

МИНИСТЕРСТВО Внутренних дел
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЯ

Город, с/пос. Москва
начат 6. февраля
окончен 6. февраля
подготовил Голу
рассказал Милос
наименование

Фамилия, имя и отчество
Год рождения 1939 3. Место рождения

по адресу
Жилищно-коммунальное хозяйство
(квартира)

Мя
на к

* мин.
* мин.

2010
Дмитров

в качестве свидетеля
Дмитров

ОДЛ

Милос

13 00932

Копия, нет, не имеет - 52

ФСФСР и 3

РАФАЭЛЬ ДАМИРОВ

КУРСАНТ 10

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 10
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 10

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70074445

Аннотация

На дворе 1986-й год. Межведомственной спец группе Горохова поручают очередное опасное задание...

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Рафаэль Дамиров

Курсант: Назад в СССР 10

Глава 1

Я выскочил на лестничную площадку, сжимая в руке злополучную карту. Внизу, в пролете, мелькнула чья-то фигура. Перескакивая сразу через несколько ступенек, я помчался вниз.

Судя по телосложению, это был парень, он спешил вниз, не оглядываясь. Его зеленый спортивный костюм маячил у меня перед глазами. «Не уйдешь!» – пульсировала в голове мысль.

Я преодолел два пролета за несколько секунд. Прыжок, и сбил парня с ног. Придавил его к полу, готовый впечатать кулак в его голову.

– Дядя Андрей! Ты чего?

На меня уставились пронзительные смеющиеся глаза. Парень и не думал сопротивляться. Я сразу узнал его. Сейчас он выглядел совсем как раньше... Даже холодок по спине прошел от увиденного.

Добавить морщин и седины – и вылитый мой друг, мой убийца из прошлой жизни... Но сейчас ему только восемнадцать. Сто лет его не видел. Вырос совсем.

– Олег?! – я ошарашенно уставился на парня. – Ты что здесь делаешь?

– Тебя пришел навестить, дядя Андрей. Может, уже отпустишь? Слезь, говорю, дышать тяжело. Так-то ты гостей встречаешь.

– А-а? Да, да, конечно... – я встал и подал руку, помог ему подняться. – Ты вообще как здесь очутился? В Москве, то есть.

– Ты что? Забыл? В медицинский приехал поступать. Родители говорили, что ты в курсе, ты же был у них в Новоульяновске.

– Ах, да, точно... – мысли путались в голове. – Хорошо, что зашел...

– Что у тебя в руке? – Олег кивнул на мой кулак, я разжал пальцы, на ладони лежала смятая десятка трэф.

– Карта? – парень хитро прищурился.

– Ну, да... Привет мне кто-то передал. Из Михайловска. Ты не видел, тут никто не проходил? Кто мне ее мог подбросить под дверь?

– Маньяк, наверное, – пожал плечами парень и ухмыльнулся.

– Чего?

Я наблюдал, как ухмылка моего старого знакомого становилась всё шире.

– Да я ее подкинул тебе, блин, ты шуток вообще не понимаешь? Разыграть решил, – Олег улыбался и смотрел на ме-

ня так, будто ждал аплодисментов.

– Тьфу ты, бл*ха! Ну и шуточки у тебя, Олежка... Погоди. А откуда ты знаешь, что следующей должна быть десятка трэф? Что в Михайловске все на девятке крестовой закончилось, – я с подозрением на него уставился и соображал, каким человеком он вырос.

Я все сделал, чтобы он стал нормальным... Вырвал его из лап убийцы, подсутился с приемными родителями. Пока он был маленький, частенько его навещал. А потом... Успокоился. Да и жизнь как-то завертелась, закрутилась. За последние несколько лет в Новоульяновске я был только наскоками. Когда в отпуск уходил. А Олега давно не видел. Отпуск у меня обычно летом был, а его приемные родители на все лето к бабушке в деревню отправляли. И вот теперь передо мной стоит почти взрослый мужик. Даже голос загрубел, несмотря на то, что это вчерашний школьник.

– Ох, дядя Андрей, какой же ты дремучий, – парень вытащил из спортивной сумки смятую газету «Щит и меч». – Об этом каждый дурак знает. На, читай... Тут и фото твое есть. И целый рассказ про тебя, как ты Михайловского Борца вычислил. Прямо роман можно написать. Кстати, ты не думал мемуары свои выпустить? Говорят, газету эту милицейскую с твой подачи запустили. В этом году первый номер вышел.

Я взял газету, пробежался по строкам статьи и на душе отлегло.

– Ну, чего встал, – обнял я Олега и похлопал по спине. –

Пошли чебуреки трескаться. Света нажарила, пальчики оближешь. Помнишь ее?

– Тетю Соню помню, а Свету нет.

– Значит, познакомишься, и больше так не шути. Особенно с картами. А то ведь и зашибить ненароком могу. Фу-ух... Ну и озадачил ты меня. Я уж думал, у Инги напарничек секретный объявился.

– Или подражатель, – кивнул Олег. – На то и расчет был. Испугался? Ну признайся...

Я нехотя кивнул. Может, и лучше было перевести всё это в плоскость шутки, чтобы доставить удовольствие пареньку – провел, мол, бывалого – но у меня не получалось.

– А ты откуда о подражателях знаешь? – продолжал я расспросы, пока мы поднимались обратно.

– Читал про твое дело в Зеленоярске. Там под практиканта Берга притворялся военрук, который в Москве Дицони убил таким же способом, как маньяк потрошил женщин. Живот разрезал, сам же помнишь. Или забыл уже? У тебя столько этих маньяков. Не жизнь, а кино...

– Маньяками интересуешься? – я озадаченно посмотрел парню прямо в глаза.

– Да не то чтобы слишком, просто за тобой интересно было следить. Почти про каждое твое дело в журнале «Советская милиция» пишут. В библиотеку ходил, а потом попросил мать выписать мне этот журнал. Она возмущалась поначалу, мол, зачем тебе он сдался. Есть же у тебя «Наука и

жизнь» и «Техника – молодежи», но я настоял. Правда, от «Науки и жизнь» из-за этого отказаться пришлось.

– Интересные у тебя увлечения. Только шутка не очень смешная вышла. Не делай так больше.

– Да понял уже, дядя Андрей, – улыбнулся скуластый парень.

– Еще раз назовешь меня дядей, подзатыльника отвешу. Для тебя я – Андрей. Усек?

– Лады, – подмигнул Олег. – Просто ты старше меня на... Блин, а сколько тебе лет? Что-то я запамятовал.

– Сколько ни есть, все мои, считай, что мы с тобой одного возраста.

– Ага, скажи еще, что еще учились вместе!

– И скажу...

– У тебя тоже шутки несмешные какие-то, дя... То есть, Андрей.

– Зато ты шутить умеешь, то карту подбросил, то с балкона скинул, – невесело хмыкнул я.

– С какого балкона? – Олег почесал вихрастую макушку.

– Не важно, было это давно и неправда...

– А-а... Я просто плохо помню, что было до того, как ты меня спас. Ну, после того, как маму убили. Как отрезало все, понимаешь...

– Сочувствую.

– Да нормуль все... Теперь у меня новая мама. И папа. Ты знаешь, так, конечно, нельзя говорить, но я, честно го-

вора, рад, что они у меня появились. Вместо... гражданки Зверевой. Била она меня. Это я хорошо помню. Как я еще нормальным вырос, ума не приложу.

Глаза его сузились, голова опустилась. Все ещё тяжело, видно, нести было этот груз.

– Ты посмотри. Вырос он! Сначала институт закончи, на работу устройся, а потом говори, что взрослым стал.

– Блин, ты говоришь, как моя мама.

– Вот и слушай ее. И меня.

– Вообще-то я даже в милицию хотел идти работать. Как ты.

– Не-е... – замахал я руками. – Выбрось эту дурную затею из головы. Ты добрый, тебе людей лечить, а не сажать надо. С твоим характером лучше в милицию не соваться. Наша система кого хочешь сломать может.

– А я думал, тебе нравится в милиции работать. Значит, это самое лучшее место.

– Нравится, – уверенно кивнул я, – но тут свои тараканы. Которые могут в голову потом перебраться. Говорю же, добрый ты для такой работы.

– А ты злой, значит? – поддел меня Олег.

– Профдеформированный.

– Это как? – Олег непонимающе хлопал длинными ресницами.

– Это когда броня в три наката и кожа, как у носорога.

– То есть, тебе пофиг на всех? Ты это хотел сказать?

Мы остановились, еще когда разговор зашел про его родную мать, и я подумал, что таким темпом мы до квартиры никогда не дойдем.

– Короче, Склифосовский. Много вопросов задаешь, хо-рош трындеть, пошли чебуреки хряпать. С чаем и вареньем малиновым. Расскажешь про институт. К экзаменам-то хоть подготовился?

– Первого августа сочинение на четыре уже сдал. Биология, химия и физика остались.

– А физика-то нахрена в меде?

– Ну, вообще-то во все вузы у нас по четыре экзамена сдавать надо, что еще кроме физики воткнуть могли? Не математику же.

– Ну, да... – я распахнул дверь своей квартиры. – Заходи, студент.

– Ого! – Олег шагнул в просторную прихожую и присвистнул. – Богатенький Буратино. Это что, паркет? И мебель у тебя... Хм-м... Никогда такую не видел в нашем захолустье.

– Чехословацкая.

– Хорошо, смотрю, платят в милиции.

– Как и везде, – пожал я плечами. – Не особо, но на жизнь хватает.

– Так ты что? Взятки берешь?

Он сощурился, как бы сам не веря своему предположению.

– Запомни, Олежка, – погрозил я пальцем. – Советская

милиция взяток не берет.

– Ага, рассказывай, страна у нас такая, все берут.

– Разговорчики в строю!

– Не, ну ты не берешь, я верю. Только откуда такие хоромы?

– Трофейные, – хмыкнул я. – Государство помогло обустроиться. В спецбуфеты не хожу, в спецмагазинах не отовариваюсь, но кое-что от жизни урвал, хотя и не просил. Ценит у нас государство квалифицированные кадры. Сам же говоришь, в журнале не раз читал. Понял?

– Ясненько.

Из комнаты вышла Света.

– Привет, – улыбнулась она.

– Здравсьте, – Олег уставился на нее восхищенными глазами. – А вы красивая. Повезло Андрею.

– Челюсть подбери, – усмехнулся я. – Света, это Олег. Олег, это Света.

– Да, я помню, – кивнула девушка. – Ты рассказывал про него.

– Лоб какой вырос, посмотри, с меня ростом. Кстати, он в мед поступает. Может, ему на психотерапевта пойти потом по специализации? Или это в другой институт поступать нужно?

– Не-е, – замотал головой Олег. – Я хирургом хочу стать. Людей резать... Ну, в смысле, лечить.

– Ты подумай, – насторожился я. – Твои руки не под

скальпель заточены.

Я вспомнил, как Олег в прошлой жизни даже нормативы по стрельбе не мог сносно сдать. Руки тряслись. А тут хирург. Но, может, это в прошлой жизни так было, а в этой я все изменил.

Ведь изменил же?..

* * *

– Черт знает что! – громыхал Горохов, прохаживаясь по своему кабинету на Петровке.

Сегодня первый рабочий день после отпуска. Мы расселись на стулья по стенке, как воробушки на жердочке. Весело переглядывались. Соскучились по брюзжащему шефу и по друг другу, конечно.

– Представляете, товарищи! Эти... – Никита Егорович недвусмысленно ткнул пальцем в потолок. – Хотят отправить нашу группу расследовать дело цеховиков в Узбекистане. Как вам? С хлопком они, видите ли, сладить не могут, сколько лет следствие тянется, и нашу группу вдруг решили туда же засунуть. Нас! Единственную группу в Союзе, которая специализируется на поимке серийных убийц. Будем теперь на подхвате у генеральной прокуратуры исполнять партийный заказ.

– Мы теперь как ОБХСС-ники, что ли? – понуро спросил Федя. – Хищениями и растратой займемся?

– Эх... – вздохнул Горохов и, уставившись куда-то вдаль, в распахнутое окно, задумчиво добавил. – Может, на пенсию опять уйти?

За окном августовская погода доносила задорное щебетание воробьев, и ей не было никакого дела до проблем Горохова.

– Это вы, Никита Егорович, бросьте, – вмешался я. – Хлопковое дело, конечно, не наш профиль, но не бросать же из-за этого любимую работу? И нас? Бросили уже один раз когда-то...

– Я разве против работать, Андрей Григорьевич? – вздохнул шеф. – Но каждый должен заниматься своим делом. К чему приспособлен, а не так, что Родина приказала, и комбайнер коров доить вдруг начал.

– Не видел такого, – хмыкнул Федя. – Обычно комбайнер доярок щупает, ну или выпивает, когда не работает.

– А-а... – махнул на него рукой Горохов, – я же образно, Федор. Больно смотреть, куда страна катится. То, что в Узбекской ССР мафия орудует – мы сами виноваты. Суверенитета им захотелось. Законы поменяли, а старые порядки остались. Это же надо так цеховиков легализовать. Да у них на плечах целые криминальные структуры осели. Все профукали, что Щелоков наработал. Столько нужных подразделений ликвидировали. Службу профилактики правонарушений, методический центр по передовому опыту, центр исследования проблем управления, ВНИИ безопасности дорож-

ного движения. Пальцев на руках не хватит, перечислять все то, что годами наработывали и с легкой руки этого... – Никита Егорович, понизив голос, похлопал себя по плечу, изображая большие министерские погоны. – Просрали... Извиняюсь, товарищи, за крепкие выражения, слов нет, одни маты на языке крутятся.

Горохов тряхнул головой, расправил плечи и уселся в свое кресло. Хлопнул широкой ладонью по столу:

– Но не будем вешать нос, товарищи. Мы люди служивые и начальство не критикуем. Так... Наболело просто... Тьфу ты, в Узбекистане будем вату искать. Хорошо хоть в прошлом году, когда пьянству войну объявили, не отправили нас алкоголиков отлавливать.

– А что, разве у нас маньяки перевелись? – спросил Катков. – Неужели нам в целом Союзе не нашлось дела с самым захудалым маньяком?

– Говорят, что нет пока таких дел, которые можно было бы нам поручить.

– А в сводке есть, – вставил я свои три копейки.

– То сводка, – вздохнул Горохов. – А то начальство. Как говорится, начальству в сводку не заглядывают. Эх... – Следователь махнул рукой. – Куда катимся? Одно радует, что хоккеисты наши молодцы. В этом году 20-ый раз чемпионом мира стали.

– И КВН опять разрешили, – добавил оптимизма Федя. – С этого года опять по телеку его показывают.

– Угу, – кивнул Горохов. – Только Масляков теперь один его ведет. Без Жильцовой. Вдвоём, мне кажется, у них лучше было.

– Обожаю КВН, – улыбался Погодин.

– Вот и будем теперь шайбу гонять и шутки шутить, – ухмыльнулся Горохов. – Ладно... Я в кадры, проект приказа посмотрю об откомандировании. Готовьтесь, товарищи, к поездке в жаркую республику.

На столе Горохова неожиданно зазвонил телефон. Следовательно даже вздрогнул. Обычно в кабинет на Петровку ему никто не звонил. Все рабочие дела мы решали в командировках, а здесь лишь получали задания. Если звонит телефон, значит, нам светит новое дело.

Лицо Горохова на миг осветилось радостью, но улыбка тут же слезла с его лица. Он потянул руку к телефону, пробормотав:

– Из кадров, наверное, звонят, опять что-нибудь напутали. То звание не то укажут, то в должности «понижат». Слушаю, Горохов! Да... Что? Когда?

Брови следователя полезли вверх, как, впрочем, и кончики его губ. Выражение на его лице напоминало лыбу Чеширского кота. Лысинка радостно засияла капельками испарины.

– Угу... – Никита Егорович встал с трубкой в руке. – Так точно, товарищ генерал. Группа в полном составе на рабочем месте. Отдохнули, отпуска догуляли, к бою готовы, так ска-

зять. Да хоть завтра можем вылететь, а как с Узбекистаном быть? Есть – в жопу этот Ташкент! Кхм. А я вам говорил... Не наше это дело. Да я понимаю, что и на вас давят. Хорошо, что у нас убийства. В смысле, конечно, плохо, но хорошо, что мы улететь не успели. Так точно, сделаем. Кадры сейчас обрадую, пусть командировочный приказ переделывают. До свидания, товарищ генерал.

Горохов аккуратно положил трубку, будто она была хрустальная или он боялся спугнуть удачу.

– Что ж, товарищи, – он развалился на кресле, ослабил узел галстука, стянув его почти до пупа и окинул нас торжествующим взглядом. – Сам заместитель министра звонил. Мы теперь ему напрямую подчиняемся, в соответствии с новым межведомственным приказом Генеральной прокуратуры и МВД.

– А что сказал-то? – с нетерпением спросил я.

Горохов довольно хмыкнул:

– Поздравляю, товарищи. Новый маньяк у нас объявился. Хлопок, так сказать, подождет.

«Ура» кричать мы не стали. Все-таки нехорошо радоваться, что кто-то людей убивает, но ладошки от радости потерли и переглянулись.

– Ну, не томите, Никита Егорович, – Света свела аккуратные бровки. – Рассказывайте уже.

– Ага, – ерзал Федя. – В каком городе? Сколько трупов?

– Один, – неожиданно выдал Горохов.

– Как – один? – переспросил Погодин. – А почему серийник тогда?

– Не серийник, – следователь по-учительски поднял указательный палец вверх. – А маньяк. Серийник без мании убивает, из расчета или корысти. А тут психопат.

– А почему решили, что психопат? – теперь уже продолжала допытываться Света. – Если серии пока не прослеживается и всего одно убийство.

– Потому что головы у трупа нет, – загадочно проговорил Никита Егорович.

– Как нет? – выдохнул Федя.

– А вот так. Тело есть, а головы нет.

– Гы... Прикольно, – Погодин расплылся в улыбке. – Голову будем искать. Может, он ее потерял? Забыл где-нибудь.

– Не пори чушь, Федор, – грозно вскинул на него бровь Никита Егорович.

– Да я ж шучу... Просто мне всегда учительница в школе говорила, когда я учебник дома забывал – «а голову ты не мог забыть?»

Света хихикнула, а я улыбнулся. Не Феединой шутке, а новому делу. Как говорится, кому война, а кому...

– Это еще не все, – Горохов хитро прищурился. – Ни за что не угадаете, в какой город нас отправляют...

Глава 2

Никита Егорович загадочно на нас смотрел, но совсем не торопился рассказывать о конечном пункте нашей командировки. Видимо, ждал, что мы будем «играть в города».

– Сочи! – первым высказался Федя.

– Холодно, – прищурился Горохов.

– Ну, тогда без разницы, в какой город лететь, – удрученно вздохнул Погодин.

– Ростов, – предположил Алексей.

– Почему Ростов? – вскинул на него бровь следователь.

– По статистике в Ростове и его окрестностях больше всего серийных убийц.

Катков себе не изменял – как всегда, поражал противника вычитанными откуда-нибудь фактами.

– Нет, тоже холодно.

Судя по хитрой физиономии шефа и по его косым взглядам в мою сторону, город явно был связан со мной. Нетрудно было догадаться, какой.

– Новоульяновск, – нехотя предположил я.

Горохов тут же энергично ткнул в меня пальцем.

– Совершенно верно, Андрей Григорьевич. Завтра вылетаем в твой родной город, с которого и началась наша совместная деятельность.

Ощущения двоякие. С одной стороны, я рад вернуться на

малую родину, хоть и временно, но с другой – мысль, что в Новоульяновске снова орудует маньяк, не особо радовала. Там у меня родные и близкие. Там... Я потерял Зину Рогову. Интересно, а Соня замуж вышла? Детей, наверное, уже нарожала.

* * *

г. Новоульяновск. Август 1986 года

В аэропорту нас встретил старый добрый РАФик с надписью: «Криминалистическая лаборатория». Жив еще старик. Та самая служебная машина криминалистов, на которой когда-то мы с Паутовым выезжали на места происшествия.

Возле машины стоял... Витя Драгунов. Старший эксперт, который учил меня премудростям экспертной фотосъемки. Теперь он совсем не был похож на хоряка, отъелся немного и раздобрел, а взгляд все равно колкий остался. Но, увидев меня, расплылся в улыбке:

– Андрюха! – подскочил и долго тряс мне руку, попутно кивая и остальным. – Здрасти, здрасти.

– А почему не «Волга»? – поморщился Погодин, косясь на неказистую машину, уж очень ему хотелось прибыть в родное УВД «на карете».

– Так вы бы не влезли все, вот начальник и отправил машину побольше.

– А ты, стало быть, водителем подрабатываешь? – усмехнулся Погодин.

– Я сам вызвался. Хотел вас лично встретить.

Мы закинули чемоданы и уселись внутрь.

– Ну, рассказывай, – сказал я. – Как Паутов? Работает еще?

– Нет, на пенсии Аристарх Бенедиктович. В дом переехал, поросят завел.

Никита Егорович тихо хмыкнул, я не успел понять – не то с сожалением, не то с одобрением, видимо вспомнил как совсем недавно курочек на даче разводил.

– А вместо него кто?

– Теперь я начальник отдела, – Витя расправил плечи.

– Ого, поздравляю!

Неожиданный поворот, учитывая, что в мою бытность старший эксперт Драгунов никак не мог найти общий язык с коллективом. Интересно, как его теперь личный состав воспринимает? Специалист он первоклассный, а вот характер...

– Начальник милиции кто? – продолжал я расспросы. – По-прежнему Сафонов?

Вспомнил я неприятного человечка, который чуть не пристрелил Гошу Индия, да и меня ранил, когда мы с Шубником его сейф вскрывали, не совсем законно искали улики убийства следователя Дубова.

– Да нет, его на пенсию с почестями проводили.

– Как так? Он же в Главк метил, карьерист еще тот был.

Начальству одно место лизал.

– Да вот так, прижали его за что-то и попросили рапорт написать по-тихому, – пожал плечами Драгунов.

Вот странно – изменился человек, а жесты все такими же остались. И плечами пожимает, будто все еще худой да нервный фотограф, а вовсе не начальник. Или это у меня ностальгия разбушевалась?

– За что прижали?

– Нам, простым смертным не говорят, за что. Ходили слухи, что за махинации с черными «Волгами». Он их на Кавказ перепродавал втридорога. Любят там черные «Волги». Для джигитов они нарасхват.

– Странно, прижали... – пожал я плечами. – Не поделился, что ли?

– История мутная, опять же, поговаривают, что специально место под нового начальника освободили.

– Какого начальника?

– Ох, Андрюха, все-то тебе сразу и выложи! Его к нам из областного Главка прислали. Он там замом «семерки» был, а вообще, до этого, в КГБ работал. А в Новоульяновск поставили, чтобы углУбить, расширить и улучшить деятельность управления, как это среди начальства говорится.

– Из конторы в милицию, – хмыкнул Федя. – Странная карьера.

На самом деле здесь не было ничего необычного. С приходом к власти Андропова многие начальственные посты в

МВД заняли его ставленники по прошлому ведомству. Их назначали замами руководителей оперативных подразделений в Главках, начальниками отделов т. п. Должности раздавали не слишком высокие, но и не маленькие. Очень хотелось Андропову многолетнее противостояние с МВД свести на нет путем внедрения в систему «своих». После его смерти такая практика, конечно же, прекратилась, но большинство ставленников, как ни странно, прижилось. Даже в моем времени я знал такого начальника уголовного розыска, который из конторских выходцем был. Компанейский мужик и спец отличный. В девяностых уже никто не вспоминал, откуда он пришел.

– Бывает, – кивнул я. – А как сам начальник?

– Да вроде ничего, – уже негромко проговорил Витя, будто боялся сболтнуть лишнего. – По сравнению с Сафоновым так вообще нормальды.

– Ну и хорошо...

– Вас куда везти? В управление или в гостиницу? Ну, теб-я-то к родителям, это понятно.

– Я тоже в гостинице остановлюсь, – улыбнулся я, косясь на Свету. – Я не один, не хочу родителей стеснять.

– Понял, – кивнул Витя.

* * *

– Прошу, товарищи, присаживайтесь, – начальник мили-

ции, полковник Булкин Сергей Альбертович, после того, как каждому из нас пожал руку, указал на ряд стульев в его кабинете.

Знакомый кабинет. В углу все тот же насыпной сейф, который мы вскрывали с медвежатником. Только мебель изрядно пообтрепалась. Сафонов бы давно новую себе поставил.

Сам полковник среднего сложения и роста, с лицом, на первый взгляд, слишком улыбочивым и мягким для такой должности. Но, судя по крепкому рукопожатию и цепкому взгляду выцветших голубых глаз (за полтинник ему явно), человек он бывалый и не такой простой, как кажется на первый взгляд.

– Как устроились? – спросил Сергей Альбертович.

– Спасибо, хорошо, – ответил за всех нас Горохов. – Город уже как родной нам. Не первый раз здесь.

– Наслышан, да. До сих пор про Зинченко и его отца байки ходят. Новоульяновский душитель давно в могиле, но поговаривают, что дело семьи где-то в Таганроге продолжает его мать.

– Серьезно?

– Да слухи, конечно. Здесь она, в Новоульяновске актрисой в местном театре работает. Вернулась после того громкого дела с мужем и сыном. Через несколько лет приехала, думала, народ забыл все, но нет. Иногда участковый выезжает по ее жалобам. То дверь ей разрисуют угрозами, то ка-

мень в окно швырнут. Хотя в последнее время утихомирились люди. Не пишет она заявлений больше, вроде.

– А почему она из города снова не уедет?

– Из-за квартиры, я думаю. Как-то оставили за ней жилье горкомовское.

– Расскажите коротенько об убийстве. Раз это дело нам поручили, значит, что-то серьезное произошло.

– Ну, труп без головы – это всегда серьезно. Нет, бывает, конечно, бытовая расчлененка. Ее раскрыть особого труда не составляет. Сами знаете, как это происходит – выпили, подрались, один не выжил. А чтобы из квартиры вынести тело, это частями сподручнее. А тут иное. Тело обнаружено совсем не в квартире, и не на мусорке по пакетам, а в окрестном лесу, в паре километров от города. Убитый – Морошко Евгений Юрьевич, сорок лет. Ничем не примечателен. Работал на Новоульяновской фабрике музыкальных инструментов мастером. Все как у всех: жена, дети, собака и теща. Криминального за ним ничего не числится. Только доставления в медвытрезвитель раз в год, примерно, да штрафы по линии ГАИ.

– Что изъято с места преступления? – спросил Горохов. – Я материалы дела еще в прокуратуре не видел, к производству не принял.

– Да ничего. Следов обуви даже нет, лишь трава примята. Ну, и веревку изъяли.

– Какую веревку?

– Которой тело к дереву было привязано. Он получается, как бы стоял.

– Интересно... Почему стоя? Это же повозиться надо...

– Извините, – вмешалась Света, – это похоже на некий ритуал. Тело привязывают обычно при казни.

– Да, но он был привязан посмертно, – деловито уточнил Булкин. – Медицинская экспертиза показала, что следы от веревки оставлены после смерти. И крови нет. Ни возле, ни в самом трупе.

– Как? – хрипловато поинтересовался Катков.

– Будто слили кровь.

– Получается, что его убили в другом месте? – Горохов побарабанил пальцами по столу.

– Именно, а потом вывезли в лес и к дереву примотали. Только зачем?

– Что пропало из личных вещей? Деньги, документы, ключи?

– Ничего, кошелек и пропуск на фабрику в карманах обнаружили. Опрос знакомых и родственников потерпевшего ничего не дал. Врагов у Морошко не было. Начальство только жаловалось, что выпивает, да и кому он нужен? Непонятно. В общем, не участвовал, не замечен, не судим. Самый что ни на есть рядовой гражданин. Родился в Новоульяновске, где и проживал.

– Может, это дело рук сатанистов? – бесцеремонно вмешался Федя.

– Кого? – в голос переспросили Горохов и Булкин.

– Ну, дьяволопоклонников. Я в «Клубе путешественников» по телеку видел, что в некоторых неразвитых странах есть двинутые, которые поклоняются сатане.

– Ну, у нас тоже такое существует, – кивнул Булкин. – «Орден Сатаны» назывался. Раньше приходилось по нему работать. Правда, в этом году они распались на множество мелких организаций.

– Вот и я говорю, точно сатанисты. Вроде как жертву принесли дьяволу.

– Насколько я понимаю, – опять вмешалась Света, – никаких ритуальных знаков на месте преступления не обнаружено?

– Ничего необычного, – абсолютно спокойно подтвердил полковник. – Если не считать, собственно, отсутствие головы. Ее мы пока не нашли.

– А веревка где?

– В Москву на экспертизу запаховых следов отправили. Новый вид экспертизы такой появился. Слышали? Там запаховые следы выпарят и законсервируют. Но сравнить пока не с чем. Как будет подозреваемый, можно будет тогда сравнительную экспертизу назначить.

– Это вы молодцы, что в Москву направили. Сообразили.

– Стараемся, – улыбнулся Булкин. – Передовые методы внедряем в борьбу с преступностью, так сказать. Обзоры ведомственные по части практической деятельности, что пач-

ками нам шлют, так просто не валяются. Сам читаю и всех замов своих заставляю изучать. В рамках служебной подготовки с личным составом интересные моменты тоже штудлируем.

– Похвально, – кивнул Горохов. – А теперь вопрос по нашему устройству здесь. Нам нужен подходящий кабинет и служебная машина.

– Кабинет вам освободили уже. На втором этаже, номер восемь.

– Хм... Наше старое рабочее место, – крикнул Никита Егорович.

– Да, я подумал, что вам там привычнее будет. Да и просторный он.

Федя улыбнулся и заерзал на стуле, видно, вспоминая, как несколько лет сам отработал в этом кабинете в должности оперативника. Там я с ним и познакомился, когда тянул лямку вольнонаемного слесаря, прикреплённого к экспертному отделу. Воспоминания нахлынули. Аж мурашки по коже, вроде недавно я здесь, всего восемь лет, а столько всего произошло за это время.

И вот я теперь снова здесь, в этом городке, в этих же кабинетах. А мог бы в Москве сейчас сидеть и аналитическим отделом в министерстве руководить. Говорят, что как раз после того, как я отказался принять предложение генерала о переводе на другую должность, нашу группу и захотели к «хлопковому делу» присоседить. Не по «специальности» за-

ставить работать. Но не срослось, маньяк объявился. Все-таки хорошо, что я отказался. Да?

* * *

– Быков! Твою маковку! Отпусти, задушишь! – я трепыхался в объятиях друга-здоровяка, как цыплёнок в лапах коршуна.

Он обнял и оторвал меня от пола, радостно потряхивая, словно куклу.

– Да соскучился я! – басил Антон.

– Недавно же виделись, в отпуске.

– Ага, раз в год приезжаешь, совсем друга старого забыл. Что-то ты дохлый стал, Андрюха! Легкий.

– Нормальный, в одной поре, – отмахнулся я, когда Антон поставил меня «на место». – Это ты просто жирный стал.

– Есть немного, – Тоха демонстративно похлопал по натянутой на пузе рубашке, казалось, еще немного и пуговички отлетят. – Семейная жизнь, понимаешь.

– А я предлагал тебе в милицию идти, сейчас бы стройный был, как пес бездомный.

– Куда? В ППС?

– Ну, у тебя же сейчас есть вышка? На офицерскую можно.

– Не-е... Теперь я инженер. У меня мастера, старшие смен по струнке ходят. Как-нибудь без ППС-а обойдусь. Ну что?

Куда пойдём? В нашу старую пивнушку?

– А есть другие варианты?

– Нет.

– А чего тогда спрашиваешь? Похоже, в Новоульяновске ничего не меняется. Будто бы и не уезжал вовсе.

Честно говоря, это ощущение мне не очень нравилось.

– Это мне и нравится, – закивал тем временем Быков. – Зарплата, премия стабильно. Путевку в Туапсе давали нынче нам с женой.

– И что?

– Отказались, у жены арбуз такой, куда нам.

– Как назовете арбузика?

– Не думали еще, – отмахнулся Тоха. – Я Юлей хочу, но жена против.

– А говоришь, не думали...

Я поддел его локтем, но тот шутливо отмахнулся.

– Ты-то когда выводком обзаведешься?

– Успеется, – уклончиво ответил я. – Вон наш автобус, пошли скорее.

– Не беги так, я теперь вообще не бегаю, хожу только.

– Оно и видно, скоро жопа в кресло влезать не будет. К Санычу бы на тренировки походил, он бы тебя растряс. Кстати, как он?

– Бодрячком. Кует кадры для столицы. Как только кто-то из ребятишек у него поднимается, так его сразу Госкомспорт забирает. Руку жмет и спасибо говорит, что помог найти та-

лантливому боксеру.

– Ничего не меняется в этом городе. И в этой жизни...

– Да хорошо живем, Андрюх! Зачем что-то менять?

– Хорошо – никогда не бывает долгим... К сожалению.

– Ты какой-то пессимист стал. Ничего, щас пивка хряпнешь, развеселишься.

– Да я и не грустил.

Через три остановки мы вышли и очутились прямо перед пивным баром. На крыльце братались мужики, один из них разводил руками в стороны и мамой божился, что во-от такую поймал, еле в подсачек влезла.

Мы вошли внутрь пивнушки, но столиков свободных не оказалось. Народ радостно галдел, отмечая самый обыкновенный и рядовой вечер пятницы. Впереди выходные, дача, рыбалка и прочий самогон. Покрутились мы, походили, но ничего подходящего не нашли.

– А пошли в парк на лавочку, – предложил Антон. – Щас только пиво возьмем.

– У нас тары нет.

– Не бойсь, все будет. Вон мои подчиненные с завода квасят.

Антон подошел к каким-то мужикам, что оживленно и с серьезным видом обсуждали заплетающимися языками недавний запуск орбитальной станции «Мир», и выцыганил у них эмалированный бидон с крышкой.

Протиснулся без очереди, пользуясь своим внушитель-

ным видом, и купил пива и парочку вяленых лещей.

– А стаканы? – нахмурился я.

– Вот аристократ, блин. Сейчас.

Парень огляделся и стянул со стола чью-то пустую кружку и газету. Обернул кружку газетой и сунул ее под мышку. Кружка утонула в могучих телесах Быкова:

– Пошли скорее...

– Вообще-то это кража социалистической собственности, – хмыкнул я.

– Ой, какой ты нудный стал, прям как в школе был. Узнаю Петрова. Да верну я ее потом. Верну.

– Кружку хоть помой, грязная же.

– Еще и брезгливый. Где я ее помою? В фонтане ополоснем.

– Лучше тогда вообще не мыть, в фонтане кишечная палочка может водиться.

– От меня любая палочка сама сдохнет, проверено уже...

Мы вышли из пивбара и направились в центральный парк. Прогулялись по городу, прошли пару кварталов мимо кино-театра и магазина «Радиотовары».

В парке облюбовали одинокую лавочку возле фонтана и расположились в тени старого тополя.

– Эх, жалко, кружка одна, – поджал я губы. – Не чокнемся.

– Кто сказал? – хитро прищурился Быков, наполняя увесистую советскую стекляшку до краев.

Протянул ее мне, а сам взял бидон:

– Ну, за встречу, чтобы старых друзей не забывал.

Стукнулся со мной бидоном и отхлебнул прямо из него. Я, скрепя сердце и стараясь не думать о том, кто до меня пил из тары, зажмурился и тоже отхлебнул. Ничего так. Соскучился я по местному пиву. Второй глоток пошел лучше, а после пятого мне было уже фиолетово на брезгливость.

Не заметили, как опустошили добрую половину бидона, зажевали рыбкой.

– Эх... Хорошо жить, – Антоха откинулся на лавку, разметав по ее спинке руки-бревна.

На соседней лавке расположились четверо парней. С виду гопники, но одеты прилично. Даже модно, для этих-то времен. Кеды, джинсы и футболки с символикой Олимпиады-80 и волка из «Ну погоди».

Они явно собирались распивать напиток покрепче пива, выудив из сумки бутылку с узнаваемой этикеткой «Столичная» и сосиски.

Мимо проходила стайка пионеров со скрипкой в футляре.

– Э-э! Пацаны! – зычно крикнул один из рослых гопников с мордой Дольфа Лундгрена. – Сюда идите. Кому сказал? Быром!

Пионеры, опутив глаза, послушно поплелись к соседней лавочке.

– Курить есть?

Те в ответ испуганно замотали головой.

– А если найду? – «Лундгрена» картинно сплюнул под ноги

школьникам. – Мелочь есть?

Пионеры молча хлопали глазами. Я встал и направился к лавочке. Верзила, услышав шаги, обернулся на меня.

Ого! Знакомая рожа. Я узнал в «Дольфе» своего давнего недруга.

Глава 3

Морда, не обремененная интеллектом, телосложение орангутанга – курсант Новоульяновской средней школы милиции товарищ Сипкин, он же Вова, собственной персоной.

Хотя какой он курсант? Годов ему уже под тридцать, средку он со скрипом закончил, а потом, я слышал, его выперли из милиции с треском за какой-то проступок, порочащий честь мундира. Подробностей не знал, но бывший боксер, которого я когда-то здесь, в Новоульяновске уложил на областных соревнованиях на кубок Попенченко в первый год своего пребывания в этой эпохе, дисциплиной никогда не отличался. Когда в средке пересекались, всегда в контрах был, злился на меня Сипкин. Зуб даю, до сих пор обиду помнит. Даже если не знает толком, за что.

Боксер меня тоже явно узнал. Его кривые брови встали елочкой на покато лбу, а свиные глазки вперились в меня, не мигая.

– Здоров, – хмыкнул я. – Пионеров отпустили! Вовчик.

– А ты что такой борзый, Петров? – скривился Сипкин, сменив удивление на желчь.

– Ты не понял? Милиция. И водку спрячь, – повернулся к школьникам. – Все, пацаны, гуляйте. Дуйте домой.

Я слышал, как за моей спиной встал Быков, сопел, как паровоз, и, судя по хрусту костяшек, разминал кулаки.

Стайка пионеров упорхнула чижиками.

– А что нам менты, я и сам мент, – хмыкнул Сипкин.

Его трое дружков одобрительно закивали.

– Не п*зди, Вова. Ксиву покажь, – я было засомневался, может, восстановился Сипкин.

Была такая практика в МВД – уволенных по отрицаловке обратно на работу брать, но это позже будет, когда зарплату платить не станут и кадровый голод не оставит выхода.

– Дома забыл, – пробасил Вова. – А ты свою покажи, Петров. Что-то я тебя здесь в милиции не видел. Выперли, наверное, из органов.

Судя по всему, Сипкин газет не читает, не знает ничего о спецгруппе Горохова, что и не удивительно. Газеты он только для заворачивания воблы воблу да в сортире использует.

Привычным движением я полез в карман, но рука остановилась на полпути. Не взял я документ, не беру его на пьянки, потерять легко. Летняя одежда – тришки да футболка. Совсем не приспособлены такие элементы гардероба для надежного ношения удостоверения. Карманов почти нет, да и те несерьёзные.

– Гы... Я же говорил, что выперли, – в глазах Сипкина блеснуло торжество, он расправил широкие плечи.

Но отступать было поздно. Назвался ментом, полезай в воронок.

– Бухло убрали, – процедил я. – Живо!

Четверо против двоих. Из противников лишь Вова мог

похвастаться статью бойца, трое его собутыльников не больше среднего шимпанзе, и возрастом помоложе будут. В рот заглядывают вожаку, «на север, так на север».

– А то что? – сощурился Сипкин.

– В трезвяк сдам.

– Ну, попробуй, – Вова демонстративно закинул ногу на ногу, всем видом показывая, что он «царь горы», то есть, лавки.

Его прихвостни хихикали и плевали семки под ноги. Один из них, в кепке, слишком поверил в свои силы, и скорлупка необдуманно упала Антохе на туфлю.

Хрясь! – Быков не выдержал и заехал плюющему прямо в глаз. Тот перекувыркнулся через скамейку назад, словно мячик. Добрый удар, только драться в общественном месте мне нельзя. Или... Я спешно огляделся, вокруг никого. Эх, была не была...

Бум! Отбил кулак, который летел мне в голову. Один из «шимпанзе» кинулся в атаку, мстить за бессловесно перекинутого через лавку собрата.

Сипкин тоже вскочил, но Тоба махнул перед его мордой кулачищем, и боксер понял, что нахрапом нас не взять. Чуть отступил и встал в стойку.

– Сипыч! – верещал его кент. – Меси их, чо встал?!

Но Сипыч не дурак, помнит, как я его уложил, на рожон не полезет. Да и технику Быкова он сразу опытным взглядом срисовал. Понял, что тот не бальными танцами занимался.

И есть у него то, что танцевать мешает. Твердость характера, то есть.

Его подручные не знали о боксерском прошлом Тохи и тараканьей стаей набросились на нас. Даже тот, что в кепке, выполз из-за скамейки и, сверкая свежим фингалом, ринулся в бой.

Бам! Бам! Сыпались по нам удары. Бух! – кулак Тохи откинул одного из нападавших. Тот картинно раскинул руками и с криком «мама!» отлетел в кусты.

Я тоже уложил одного, прямым дальним зарядил в нос. Тот сел на задницу и озадаченно хлопал глазами. Вытирал кровь и никак не мог понять, как я его сумел достать на расстоянии.

Бам! – и по моей скуле смазал кулак.

Сипкин включился в игру, понял, что бандерлоги одни не вывезут. Проиграют они, проиграет и он.

Н-на ответотчку! Выстрелил в него двоечкой, но реакция Сипыча его спасла. Помнит, гад, премудрости бокса. Не все пропил.

– Бей их, Сипыч! – отчаянно верещал последний оставшийся «в живых» гопник.

Он вцепился в ноги Быкову и пытался повалить его, как дерево.

Тоха раскинул ногами, пытаясь сбросить «Моську», но та держалась намертво.

– Мать твою! – Быков все-таки оступился и грохнулся на

спину.

Сипкин снова напал на меня, а на подмогу «Моське» пришли очухавшиеся собраты. Кинулись пинать лежащего Быкова.

Не по-пацански совсем. Я было бросился ему на помощь, но пришлось сцепиться с Сипкиным. Он вырос у меня на пути, не давая пробиться к другу.

Ш-ш, ш-ш, – свистели его кулаки возле моей морды.

Уход наклон, удар, обманка, бум! Есть! Припечатал Сипкина в нос. Тот отшатнулся, намеренно беря паузу.

Сейчас главное – его добить, не дать прийти в себя. Но дилемма – там Антоха с тремя бьется, помощь срочно требуется. Щас, друг, я быстро!

Я кинулся на Сипкина, выставив кулаки. Но бить ими не стал. Мне ведь по-быстрому надо. Хрясь! Зарядил ногой ему пониже живота. Попал куда надо, может, плодиться не будет.

Вова скрючился, шипя сквозь скрежет зубов матерные проклятья. Контрольный в голову, и вот он распластался на земле, раскинув конечности, как морская звезда.

Я бросился к Быкову. А там картина маслом!

Тоха уже стоял на ногах и без моей помощи расшвырял обидчиков, как слепых кутят. Одного закинул в шиповник. Тот верещал, пытаясь выползти из колючек. Второй валялся в траве тушкой подстреленного кабанчика. Третьего Быков тряс за грудки, оторвав от земли, ноги его болтались в воздухе безвольными верёвочками, а здоровяк что-то ему дока-

зывал насчет уважения к «старшим» и недопустимости антиобщественного поведения в форме распития спиртных напитков в общественном месте.

– Милиция! Милиция! – блажила сердобольная тетенька с авоськой в руке и в ситцевом платке.

Она проходила мимо и решила вступить за униженных и оскорбленных.

– Зачем ребятишек бьете? – махала она руками, но близко не подходила.

– Шли бы вы, мамаша, – процедил Быков. – Эти ребятишки вели себя плохо. В угол ставить будем.

Тетя, тревожно зыря, поспешила убраться.

Наконец, Тоха отшвырнул собеседника и сграбастал честно добытую в неравном бою бутылку «Столичной».

– Трофейная, – подмигнул он мне. – К пиву...

Гопники сползались в кучку. Поскуливали, косились на нас шакальими глазенками и помогали друг другу подняться. Распрямили скрюченного Сипкина и поплелись восвояси.

– Мы еще встретимся с тобой, Курсант! – обернувшись, бросил через плечо Сипкин, когда был уже на безопасном расстоянии. – Ты не знаешь, с кем связался!

– Конечно, встретимся, – хмыкнул я. – Раз у тебя здоровья много.

Битые ускорили шаг, иногда оглядываясь.

– Ша! – Быков сделал вид, что хочет за ними погоню

устроить, те поспешили поскорее смыться.

– Ух! Как в старые добрые, – выдохнул Антоха, усаживаясь на нашу лавочку. – Размяли косточки. Будешь?

Здоровяк ткнул на жидкую добычу.

– Не, я мешать не буду.

– А я хряпну чуток, а то весь хмель из-за непредвиденной физзарядки вышел.

– Не налегал бы ты на водочку, без закуски-то.

– Не гунди, Андрюха, – все нормально, я занюхаю.

– Смотри, сопьешься.

– Ой, ты как жена моя нудишь. Та тоже нычку мою найдет и перепрычет. Что я, выпить не имею права в конце рабочей недели? Кстати, этого здорового ведь Сипычем называли.

– И что? Это мой старый знакомый по школе милиции.

– А то, что я слышал, что в городе шайка мелкая объявилась, не то чтобы бандиты, но на рынке, где частники продукцией своей торгуют, молоком, мясом и прочим кефиром, дань сшибают. Так вот, этот Сипыч, вроде как, с ними. Мне на заводе мужики рассказывали. Да и рожа у него больно знакомая. Он, вроде, в соседнем цехе трудится.

Адреналин испарялся, и я уселся рядом, вдруг почувствовав накатившую усталость.

– Хм... Интересно. А почему их милиция не прижмет?

– Так заяв нет. Не все же легально торгуют. Кто-то и вообще не своим, а как перекуп. Вот те на них и специализируются, нетрудовые доходы, так сказать, половинят.

– Спрошу у Гоши, как он такое допустить мог.

Быков смачно хмыкнул.

– А Гоша сейчас сильно не высовывается. Много его подручных за решетку загремело. Как чистка в милиции была при Андропове – ты же знаешь, так и за Гошу тоже взяли. Много его пехотинцев, кто на условно-досрочном гулял, обратно в казенный дом заехало.

Я нахмурился и глянул на Быкова с сомнением.

– Странно... Гоша осторожный, и с властями в контрах никогда не был.

– Так я же говорю, все случилось, когда власть поменялась. Когда ГБ-шник в УВД у руля встал. Он, наверное, и дал команду «фас». Но самого Гошу и катран его не тронули. Правильно ты ещё тогда говорил. Его заведение кому-то нужно...

– И откуда ты это все знаешь? – вскинул я на друга бровь.

– Так завод – считай, улей. Там все слухи города сходятся. У нас многие калымят и крутятся не только в цехе. Время сейчас такое. Хочешь дефицит достать, умей крутиться.

– Будешь, значит моим информатором, – улыбнулся я.

– Не-е... Стучать я не буду, я тебе так, за кружкой пива все расскажу. А вас-то чего сюда дернули? Нет в городе маньяков.

И, главное, так уверенно сказал, будто сам маньяками заведует.

– Труп есть, значит, и маньяк найдется, – вздохнул я.

– Что за труп?

– Некий Морошко.

– Юрич, что ли? Это которого без головы нашли?

– Ну да, а ты-то откуда его знаешь? Он на фабрике музыкальных инструментов работает, а не на заводе.

– Так это он после туда ушел. В смене Михалыча был, должность невеликая – «отставной козы барабанщик», вот и свинтил он на фабрику. Знал я его. Жаль мужика! А почему ты решил, что маньяк объявился? Еще трупы есть?

– Сплюнь!

– Так, может, не маньяк это вовсе.

– Ага, кому тогда понадобилось голову отрезать, да еще труп в лесу привязывать?

Быков в раздумьях постучал бутылкой по колену, содержимое глухо булькнуло. Я ждал его ответа – может, мой старый друг ещё что-то знает?

– Похоже на акт устрашения, – наконец, выдал Антон. – Морошко этот как раз к рыночникам имел отношение. Вроде как, мясо туда сдавал.

– Со своего подворья?

– Да, он в пятиэтажке жил, ездил по деревням, скупал по дешевке скотину – и сдавал как свое.

– Так. А кто главный у них? Ну, в смысле, у тех, кто рыночников тербит?

– Кто из нас милиционер, Андрюх? Понятия не имею. Все, что слышал, рассказал. А дальше сам копай.

Возле входа в парк скрипнули тормоза. Дорога хорошо просматривалась – там остановился милицейский УАЗ-ик привычного желто-синего раскраса.

Из машины вывалился широкомордый милиционер с рыжеватыми заливхватскими усами. Фуражка чуть набекрень, пузо через ремень. Настоящий бывалый майор.

– Это они, они парнишек избили! – тыкала в нашу сторону та самая сердобольная тетушка в ситцевом платочке, размахивая авоськой. – Сидят, водку жрут! Алкашня!

Милиционер кивнул ей в ответ и что-то сказал, мол, разберемся, понятой будете.

Но после такого предложения тетушку как ветром сдуло. Погрозив напоследок нам авоськой, она поспешила убраться, а милиционер, поправив фуражку, чинно зашагал в нашу сторону.

– Ты смотри, кто к нам идет, – расплылся в улыбке Быков.

– Ага, вижу...

– Выпиваем? – грозно просопел майор.

– Дядя Петя! Ты майор, что ли? – вскочил я с лавки. – Поздравляю!

– Ядрён-патефон! Андрюха?! Ты, что ли? – воскликнул Осинкин. – Я тебя не узнал сразу, ого, какой ты стал. Волчара матерый.

Мы обменялись с участковым крепкими рукопожатиями, он снял фуражку и сел с нами на лавочку.

– Ну, рассказывай, дядь Петь, как жизнь молодая. Смот-

рю, все никак на пенсию не уйдешь. Молодец.

– Ой, не говори, Петров... Каждый год собираюсь, да все не решаюсь, вот жду, когда взашей выгонят.

– А что так?

– Да с каждым годом работы все больше, бумажками завалили, а зарплата та же. Этих на учет поставь, тех по месту жительства проверь, прием граждан проведи, материалы отработай, отказной состряпай, поручение следователя выполни в срок, еще и организацию вечернего патрулирования на нас повесили, дружинников теперь инструктируем и вместе на обход участка выходим.

– Ты еще и на вызовы, смотрю, едешь? – кивнул я на «УАЗ». – Целый майор, вроде.

– Дежурю я сегодня. Все семейные скандалы в городе мои. Вот и хулиганов в парке приехал приструнить, а тут вы...

– Хулиганов мы разогнали, – хмыкнул Быков.

Он уже раскраснелся и слегка «поехал» от трофейной беленькой, так что его и самого от хулигана было практически не отличить.

Осинкин продолжал устало делиться своим житьем-бытьем:

– А майора мне дали выше потолка, я по-прежнему в должности старшего инспектора. Было время, когда Сафонова турнули, вместе с ним некоторые должности тоже почистили. Успел и временно поисполнять обязанности начальника отдела. Не хватало народу тогда, ставить некого было.

Вот званием и разжился.

– А должностью почему не разжился?

– А оно мне надо, Андрюха? Я на своем месте. Народ меня знает, уважает. Бывает, даже из кабинета не надо выходить, чтобы кражонку велосипеда раскрыть. Несколько звонков бдительным гражданам – и Яшка-кривой опять в кутузке. Не хочу наверх лезть. Планерки, совещания – не мое это. Да и начальник новый в МВД уже с восемьдесят третьего, но до сих пор больше со своими общается. То один в костюме с галстучком к нему приедет, то другой, чай в кабинете распиивают. Булкин замполита поменял на бывшего военного – из Тулы привез, тот в батальоне ППС по той же части трудился. Говорят, в армии в лейтенантах служили когда-то вместе. И вроде улыбается товарищ Булкин всегда, и разговаривает со всеми прямо душевно, но вот глянет иногда эдак... внимательно, и сразу вспоминаешь, откуда он к нам перебрался. Так что давайте с ним поаккуратнее, а то хрен знает, чего у него на самом деле на уме... Ты-то как? На планерке говорили, что ваша группа приедет. Вижу, прибыли уже. Голову будете искать?....

Я решил начать издалека:

– Да нормально все, квартиру в Москве дали. Вот, с другом встретился.

– С другом, это хорошо... Ну, что сидишь, плесни дяде Пете чуток.

– Так ты же на дежурстве?

– Если на дежурстве, то не человек, что ли... Маленько можно, чтобы ночь спокойная была и не дергали каждые пять минут. Ну, с приездом, что ли...

* * *

В дверь гостиничного номера постучали. Я глянул на часы. Блин, девять утра...

– Кого там принесло в воскресенье? – потягиваясь, пробормотала Света, сложив на меня с бронзовым загаром ногу и приобняв. – Откроешь?

– Я не могу.

– Почему?

– Ты на мне лежишь...

Света цокнула языком и поцеловала меня.

– Иди, – смачно хлопнула меня по заднице.

Я встал.

– Штаны-то надень, – нахмурилась она, приподнявшись на локте.

– Зачем? И так красивый.

– Шутник, – Света швырнула в меня штанами.

Стук повторился.

– Только не с работы, только не с работы, – причитала Света, как заклинание.

– С работы бы позвонили, – успокоил я. – Телефон в номере для чего стоит?

– А может, Горохов пришел, ему проще дойти из соседнего номера, чем позвонить, – предположила Света, высунув из-под одеяла лишь глаза.

– Сейчас посмотрим, – я открыл дверь, и брови мои поползли вверх.

– Гостей принимаете? – лыбился вихрастый парень в зеленом спортивном костюме и модных кроссовках.

– Олег? Ты чего здесь? Ты же в Москве должен быть. Не поступил, что ли? – опешил я.

– Да поступил я, поступил. Вот, приехал домой на побывку перед учебой.

– Ну, поздравляю. Так тебе уже скоро на учебу, не жирно ли разъезжать туда-сюда?

– Нет, учеба у нас в октябре только начнется, а в сентябре нас в совхоз направляют на картошку. Не хочу. Справку в поликлинике возьму, освобождение.

– Не дело смолоду от работы отлынивать, – сказал я, пропуская Олега внутрь, после того как убедился, что Света юркнула в ванную одеваться.

– Так я ж не для той работы создан. Руки будущего хирурга не должны в земле ковыряться.

– Хирург, бл*ха... Ты отучись сначала, а потом рассуждай.

Возмущался я вроде бы и от души, но после вчерашнего выходило как-то вяло.

– Вот и мама так говорит, а я, может, хочу головой пора-

ботать. А не руками.

– Где? Без образования тебя только грузчиком возьмут. Могу договориться. У Маши в вино-водочном всю жизнь проблемы с грузчиками.

– Я тут подумал, это... В общем, с тобой хочу поработать, преступления раскрывать. Это не в журнале читать, вживую хочу. Слышал я, что за городом труп без головы нашли...

Сказал, как обухом по голове.

– Со мной? Не положено. Забудь. Ты гражданский человек.

– Ну ты же как-то работал?

И как ему всё объяснишь? Я попробовал пересказать хотя бы то, что мог.

– Я-то для начала подручных местных валютчиков задержал, медалькой разжился, а потом меня взяли, и то – на должность слесаря. Смысл тебе оформляться, если через месяц на учебу, Олег?

Я старался говорить тверже и убедительнее, но паренек не сводил с меня упрямого просительного взгляда.

– Так я внештатником могу. Справь мне корочки. Вам же нужен свой понятой при себе?

Ну, что ты с ним будешь делать?

Глава 4

Я замотал головой и сказал:

– Так, Олежка – ума тележка. На происшествиях понятой, конечно, нам свой не помешает. Где-то протокол осмотра переписать, где-то вещдоки переупаковать, свой понятой – это хорошо, но только кто тебе сказал, что будут еще происшествия и мы будем на них выезжать? Голову найдем и все... Ну, и преступника, конечно, заодно.

Разговор мне этот что-то вовсе не нравился, так что я стремился представить всё максимально просто.

– Уверен, что будут еще убийства, – понизив голос, Олег пригладил непослушные вихры и исподлобья оглядел номер.

Вот так заявленьице!

– Тебе-то откуда знать? Шерлок комнатный! – отреагировал я.

– Понимаешь, Андрей, чуйка у меня. Сам не знаю откуда. Будто в прошлой жизни я был как ты. Милиционером.

Я хрипло рассмеялся. Получилось вымученно.

– Это в какой еще прошлой? – я ошарашенно посмотрел на парня, борясь с мурашками на спине, а про себя подумал, что не в прошлой ты был опером, а в будущем, которое, мать его, еще не наступило.

Что за черт? Такое ощущение, что парень чувствует, как поменяли его судьбу. Что отправили учиться на врача, а не

на мента? Как вообще такое может быть? Я ведь изменил его прошлое. Он вырос нормальным человеком, в хорошей семье. И впереди его ждет спокойная размеренная жизнь, его не будет надламывать система, не будут мучить воспоминания из трудного детства. Его не пнут раньше времени на пенсию, он не станет маньяком, перенося обиды со Зверевой на своих задушенных жертв, повязывая им красный пояс, с которым ассоциировалась у него деспот-мать.

Я все исправил... Или нет? Судьбу вообще можно изменить?

Я сжал руку в кулак. Определенно можно. Ведь я обезвредил многих маньяков, они не убили людей, которые должны были стать их жертвами. Даже пресловутый Чикатило погиб несколько лет назад в автокатастрофе, так и не начав убивать.

Нет, конечно, это не моя работа. Я наводил справки о нем, все ждал, когда нашу группу направят в Ростов, но нет. Чикатило не дожил до начала своей кровавой «карьеры». В этой реальности он давно кормит червей. Эффект бабочки, мать его. Я меняю реальность, и она отзывается изменениями в таких гранях и аспектах, к которым, казалось бы, я даже не прикасался. Которые вообще происходят на другом конце страны.

Благодаря моему вмешательству в работе МВД чуть раньше были внедрены на широкий поток методы субъективного портрета и метод исследования запаховых следов челове-

ка. Раньше начала свою деятельность ведомственная газета «Щит и меч». Нарботки нашей спецгруппы по поимке маньяков вошли в обзоры и методические пособия по передовому опыту.

В СССР моего прошлого маньяков, чего греха таить, ловить не особо умели. Не признавали власти серийность. За преступления того же витебского душителя Михасевича осудили, помнится, аж 14 человек. Но в этой реальности Михасевича взяли еще в семьдесят восьмом, на семь лет раньше – благодаря одной анонимке, направленной на имя начальника УВД Витебского облисполкома. Да, тут я не молчал. В анонимке подробно изложил всю информацию, которую помнил по душителю. Его взяли, провели обыски и нашли улики.

Или этого мало? Ведь дальше-то тоже пошло-поехало. Похождения нашей группы власти не смогли скрывать. Да и наличие такого подразделения, как наш отдел, в СССР поднимало престиж правоохранительной системы в целом. Мы всегда справлялись с поставленной задачей, принцип неотвратимости наказания за уголовное деяние воочию могли лицезреть миллионы граждан. И сильным мира сего пришлось признать, что в СССР маньяки все же существуют. Кроме того, во всесоюзном НИИ МВД создали специальный научно-исследовательский отдел, который стал заниматься изучением, анализом, разработкой и внедрением методов по поимке серийных убийц. Основной практический материал

для работы отдела поставляла, конечно же, наша группа.

В результате многих маньяков обезвредили коллеги из областей и республик на местном уровне – буквально после пары-тройки эпизодов, сохранив десятки жизней. Удалось избежать ошибок прошлого, когда ни в прокуратуре, ни в МВД не было преемственности по делам данной категории. Да и маньяков не было... На бумаге, то есть, не было. Не признавали их и сразу старались избавиться от серийников. Казнили буквально сразу после поимки, как это было с Ионесяном по прозвищу Мосгаз.

Почему изначально так сложилось? Да потому что в процветающей стране не должно быть преступлений. Ведь идеология гласила, что криминал порождают плохие социальные условия, которых в советском обществе просто нет и быть не может. Так пишут на плакатах, а плакаты не врут.

Между тем, начиная с 1960-х годов, преступность в Союзе из года в год только росла. Но такую неудобную статистику в массы никто не афишировал.

Я поменял прошлое. Наша группа сработала лакмусовой бумажкой в назревающем конфликте правоохранительной структуры и общества. Советские граждане привыкли чувствовать себя защищенными от преступных посягательств. И высокие чины решили, что им выгоднее нас продвигать и декларировать наши успехи, показывая совершенство правоохранительной системы СССР, нежели замалчивать и искажать статистику. Тем более, что шило в мешке прятать ста-

новилося все сложнее и сложнее.

Теперь цель моего попадания сюда стала прорисовываться куда яснее. Я не изменил мир, никогда не стремился к этому. Но я делал его безопаснее, делал его лучше.

Возможно, в этом и есть моя миссия – всё это только мои догадки. Но поначалу своим предназначением я считал изменение судьбы моего убийцы Олега. А теперь я стоял и чувствовал, что ничего не понимаю. Так смог ли я ее изменить? Если парень опять просится работать в милиции... Вот какого черта теперь с ним делать?

Я посмотрел в его скуластое лицо, на позу, с которой он прислонился к стене и цеплял пальцем за вбитые в стену крючки для курток – мол, разговор вовсе не окончен. Он упертый, если даже откажу, найдет способ добиться своего. Еще и институт может бросить. Уж лучше покажу ему все «прелести» милицейской службы, а там видно будет...

– Ладно, – кивнул я, отмерев. – Будут тебе корочки. Только в кадры надо будет сходить, анкету подробную заполнить. Потом запросы на тебя направят, по информационному центру пробьют. Не быстрая это петрушка, сам понимаешь.

– Так ты пошевели их, – глаза Олега горели. – Я знаю, ты можешь. Пусть корки прямо сейчас выпишут, а проверки потом дойдут. Так можно?

– Если осторожно, – хмыкнул я.

– Вот и договорились, чаем напоишь? А то с утра не успел позавтракать. Сразу к тебе пошел.

– Из-за корочек внештатника? Тебе так приспичило? Ты и без них можешь с нами карманным понятым болтаться. Тут они роли не играют.

– Дело совсем не в них, понимаешь, мне кажется, что я что-то упустил. Не туда пошел.

Он поводил рукой в воздухе, худые пальцы чуть дрогнули, и от этого меня передернуло.

– В смысле, не туда?! – я грозно зыркнул на него. – Ничего не знаю, маленько с нами потрешься и поедешь в Москву на врача учиться.

– Ну, дядя Андрей, тебе не кажется, что это мне решать?

– Опять дядькаешь?

– Тогда выключи «батю», сам же говорил, что мы друзья.

Я аккуратно выдохнул.

– Друзья, – я кивнул. – Только, Олежка, трупы смотреть – это не журналы читать. Там и пахнет, и кровь рекой бывает. Или вовсе все сгнило и опарыши.

– Пф-ф, – скривил губы Олег. – Ты разве забыл, что я будущий хирург? Это почти как мент, только милиционер стреляет, а хирург режет. И у каждого из них есть свое маленькое кладбище...

– Не мели ерунды!

– Да? А сколько человек ты убил?

– Какая разница? И вообще, это были не совсем люди...

– С правовой и биологической точки зрения – самые настоящие люди. Просто их позиция не вписывалась в рамки

общегосударственной.

В комнате, а вернее, в прихожей целую секунду звенела тишина.

– А ты не охренел? Будешь еще убийц защищать? Всех, кого я отправил на тот свет – заслужили индивидуальный котел в аду.

В ушах у меня стучала кровь, и, наверное, мой собеседник что-то такое заметил.

– Да не защищаю я... – примирительно проговорил парень. – Просто хочу доказать, что я справлюсь. Не пойму, почему ты считаешь меня слабаком?

– Не считаю, просто то, что ты увидишь, тебе может не понравиться.

– Посмотрим, – хмыкнул Олег. – Не понравится, снова на журнальчики перейду. Или детективы читать буду. Вайнеров и Агату Кристи. Ну так что? Справишь мне корки?

– Я же сказал, что сделаю, – буркнул я.

– Заметано, – просиял Олег. – Вот номер телефона моих родителей. Обещай, что позвонишь, если у вас будет выезд.

– Есть у меня твой номер. Да и не будет у нас никакого выезда, – отмахнулся я. – Сплюнь! Накаркаешь!

– Ну, а вдруг, – канючил Олег. – Обещай позвонить и с собой взять.

– Лан, фиг с тобой, обещаю...

– Слово офицера?

– Чего?

– Даешь слово офицера? Ты же офицер.

– Не принято так говорить у нас, это белогвардейское выражение, – вскинул я на него брови, а про себя подумал, что слово «офицеры» в милиции используется с приставкой «товарищи», а без нее войдет в обиход чуть попозже, уже после развала Союза, когда «офицер» все-таки больше будет ассоциироваться с патриотизмом и песней Газманова, а не с белыми «недобитками». – Где ты таких выражений нахватался?

– Не знаю, – пожал плечами Олег... – я думал, ты так выражаешься.

– Пока нет...

– Что значит «пока», а что потом будет? – Олег уставился на меня пытливыми глазами.

Вот бляха! Такое ощущение, что он что-то знает... Или догадывается. Как такое может быть? Я изменил его жизнь, но его оперская сущность никуда не делась, а наоборот, лезет наружу, причем раньше времени... Совсем я запутался в этих играх с судьбой. Ладно... Дальше видно будет. По крайней мере, никакая Зверева его давно уже не бьет. И вырос он в благополучной сытой полной семье.

– Ничего не значит, – отмахнулся я. – Короче, пошли чай пить. Куда прешь в обутках, говнодавы скинь. Во-от, другое дело. Света, солнце, что у нас к чаю?

Из прихожей номера мы вошли в комнату, где Света, сидя на диванчике, точила коготочки.

– Здрасьти, – растянулся в улыбке Олег. – Я это... Вот, на побывку приехал.

– Да слышала я ваш разговор, – Света вскинула изящную бровь. – Эклеры будешь?

– Конечно!

– Руки помой, – проворчал я.

– Ай-й-й, – наморщил лоб Олег. – С тобой, как с папкой.

– Ты же хирург, а не тракторист, так и держи свой инструмент в чистоте, – хмыкнул я.

В дверь постучали.

– Кого там еще принесло? – продолжал я ворчать. – Не воскресенье, а день приемов какой-то. Открыто! Входите!

Дверь зловеще скрипнула, и на пороге выросла широкая фигура шефа в атласном халате. Лицо небритое, выходной же.

Его появление могло означать только одно...

– В лесу? – быстро поинтересовался я. – Привязанный и без головы?

– Привязанный, но голова на месте, – озадаченно проговорил Никита Егорович. – Ноги нет.

– Какой ещё ноги?

– Левой, – пожал плечами шеф.

– Япона-мама, – нахмурился я.

– Началось, – вздохнула Света.

– Ого! – воскликнул Олег. – Маньяк все-таки. Теперь ногу будем искать!

И засветился, что твоя гирлянда.

– Это еще кто? – зыркнул в сторону парня Горохов.

– Да никто, – отмахнулся я. – Родственник приبلудился. Дальний.

– Как это никто? – парень протянул Горохову руку. – Меня Олег зовут. Никита Егорович, я много читал о вас в газетах и в «Советской милиции». А еще я про вас по радио слышал, там сказали, что вы ушли на пенсию, но не смогли остаться на заслуженном отдыхе, так как душой болели за безопасность советских граждан и за раскрытие тяжких преступлений – и решили вернуться в органы прокуратуры.

– Было, такое, да-а... – одобрительно закивал Горохов.

– Я вот Андрею предложил свою помощь... В качестве понятого. Вам же пригодится «свой»? Да? Вот где вы сейчас в лесу понятых найдете? А я с вами поеду.

– А ты хотя бы трупы видел, родственник Олег?

– Нет... Ну, только когда маленький был. Когда маму убили.

Смотри-ка, вот что называется – не растерялся. Я наблюдал за ним, пока не пытаюсь вмешиваться.

– Ого, – нахмурился Горохов, – сочувствую.

– Да, ничего, я плохо это помню... Андрей мне потом приемных родителей нашел. Хорошие они люди. Ну, так что? Возьмете меня в помощники?

– А чего не взять, – хмыкнул следователь. – Парень ты, смотрю, шустрый. Восемнадцать-то есть? Понятыми только

совершеннолетние могут быть, учти.

Олег бодро кивнул.

– На той неделе исполнилось.

– Ну и отлично, с нами поедешь, – Горохов повернулся ко мне. – Собирайся, Андрей Григорьевич. Каткову и Погодину я уже сказал.

Я наклонился и шепнул шефу.

– Может, этого, – незаметно кивнул я на Олега, – не будем брать?

– А что так?

Кажется, начальник не понял, почему это я не хочу пойти навстречу родственнику и прихватить лишние рабочие руки.

– Да молодой еще, малахольный. Боюсь, в штаны наложит, когда реальную кровь увидит.

– Ты сам-то когда убийства раскрывать начал? – шеф назидательно вскинул на меня бровь. – Тоже в возрасте перезрелого старшеклассника? Ведь так?

– Ну, то я... – пожал я плечами.

– Сам говоришь, что родственник, – Горохов по-учительски поднял указательный палец вверх. – Генетика – штука упрямая. А вдруг он в тебя пошел? Проверим, обкатаем, а потом, глядишь, в школу милиции поступит.

– Не надо его ни в какую школу милиции, – замотал я головой. – Он врачом хочет стать.

– Тем более, их тоже в морг водят. Пусть привыкает. Все, собирайтесь, машина внизу.

Полковник Булкин не успел еще выделить нам служебный транспорт, сказал, что всё ожидает новый автомобиль, который и хотел нам вручить, поэтому в гостиницу «Октябрь» за нами приехал старичок РАФик. За рулем – опять Витя.

– Доброе утро, что ли, – я сел вперед и пожал его лапу. – Чего хмурый такой?

– Выходной день, – вздохнул тот. – Эх... Накрылась рыбалка. Останусь без карасиков.

– Ну и ладно, они все равно костлявые. Зато нам поможешь. Один криминалист хорошо, а два – надежнее...

Машина выехала за город и, покачиваясь на ухабах, углубилась в лес. Небо хмурилось и грозилось пролиться дождеком. Высоченные березы вперемешку с елями смыкали кроны, будто что-то прятали от нас, закрывая и без того хилое солнце.

– Куда ехать-то? – Витя всматривался в петляющую в зарослях ленту грунтовки. – В дежурке сказали, что район западной рощи, получается, что мы уже приехали. А где тут?

– Вон, видишь следы колес, – ткнул я пальцем в ответвление дороги. – Похоже на УАЗик. Давай туда.

Я не ошибся. Через пару минут мы уткнулись в поляну, вокруг которой сгрудились люди в форме и штатском. Чуть поодаль «загорали» прокурорская «Волга», милицей-

ский бобик и «девятка» начальника УВД Булкина. Получается, что мы прибыли позже всех.

Вылезли из машины.

– Здравствуйте, товарищи, – Булкин направился к нам, протягивая широкую ладонь. Сам ростом неказист, а ладонь – как блюдце. И твёрдое такое же. – Долго спите, – улыбался он.

– Рассказывайте, – пропустив колкость, сразу распорядился Горохов.

– Все как в прошлый раз. Крови нет, следов тоже, время смерти – примерно сутки.

Мы подошли ближе. Возле тела возился возрастной судмед солидных габаритов. Он был ко мне спиной, но я сразу узнал его по лысине. Ба! Знакомые все лица...

Труп мужчины, одетого в добротный костюм, привязан к березе. Левая брючина окровавлена и покрыта застывшей бурой коркой. Болтается ветошью, скрывая пустоту вместо ноги. На вид потерпевшему лет тридцать-тридцать пять. Глаза закрыты, на бледном лице франтовская борода и усики. Холёный перец. Был.

– Смотрите, что я нашел! – подошел ко мне Олег.

Я оглянулся, толком не зная, чего ожидать – окурок, пуговица, может, даже нож? Но в его руке была зажата... Красная ленточка.

Как громом по башке. Бл*дь.... Не может быть!

– Ты где это взял? – резко выхватил я у него из руки ат-

ласную ленточку.

– Да там, в кустах валялась, – недоуменно пожал плечами тот.

Глава 5

– В кустах нашел?.. – я растерянно огляделся, надеясь, что «дьявольский бантик» оказался здесь случайно. Например, пионерка какая-нибудь на пикнике забыла.

Но кострищ и прочих следов отдыха на полянке и в ее окрестностях не оказалось.

– Показывай, – выдохнул я. – Где именно, точно нашел.

– Да вон, в кустах... Ты что такой бледный, Андрей?

– Не выспался, – соврал я и шагнул в указанном направлении.

Но на самом деле эта красная ленточка теперь стояла у меня перед глазами, будто широкая кровавая полоса.

Молодая поросль боярышника торчала сплошной стеной, никаких следов, даже трава не примята.

– Вот, здесь вязочка висела. На кустике, – ткнул пальцем в растительность Олег. – Ты думаешь, это преступник оставил? Ха! Зачем бы ему это? Это ж явно девчачья вещь.

– Вещица женская, – подтвердил я. – А она тебе, кстати, ничего не напоминает?

Я впился в Олега взглядом, пытаюсь уловить малейшее изменение мимики.

– Неа, а что?

Я не выдержал и уточнил:

– Зверева носила подобные аксессуарчики...

– Зверева? То есть, мама... Ну, да, что-то припоминаю. Ну и что? Модные были красные пояски. И красная помада. Да и сейчас частенько встречаются.

– Не часто, – мотнул я головой.

Бляха! Как еще объяснить Олегу, что в моем времени он сам оставлял такие ленточки на телах убитых женщин. При чем ими же жертв и душил. А теперь вот стоит и улыбается. Конечно, он не знает про того себя. Про того, которым он никогда не станет.

Но тогда какого хрена здесь делает этот чертов красный поясок? Совпадение? Случайность? Надеюсь...

– Андрей Григорьевич, – ко мне подошел Горохов. – Что застыл? Труп глянь, выскажи мнение. Работаем.

Никита Егорович, конечно, тоже не мог знать, что меня так ошарашило. Никто здесь не мог о таком догадаться, и внезапно я понял, что мне до смерти хочется с кем-то поделиться.

– Вот, – я протянул следователю находку. – Надо вписать в протокол и изъять, как положено.

– Ленту? – Горохов свел брови, разглядывая улику. – Хм... Не думаю, что она имеет отношение к преступлению. Может, давно здесь валяется, кто-то потерял. Да и далековато от тела.

– Чует мое сердце, что имеет, – задумчиво проговорил я. – Давайте сфоктаем, опишем и изыдем все-таки. А потом, если что, недолго из вещдоков исключить. Лучше лишнего

сметём на месте происшествия, а потом разберемся.

Горохов внимательно на меня посмотрел.

– Лады, пошли, труп глянешь. Там Алексей и Драгунов уже вовсю роются. Следы ищут, но нет их, етить-колотить. Хочу твое мнение услышать по всей этой необычной ситуации.

Я повесил ленточку обратно на куст и кивнул Олегу:

– Охраняй.

– А можно труп посмотреть?

– Успеется. И что ты вообще делал в этих кустах?

– Да приспичило, по-маленькому, – сжал колени парень. – Я все же отойду подальше, может, еще что-то найду. Уже и терпеть-то не могу.

Олег стыдливо хихикнул, а я, покачав головой, направился за Гороховым к центру места происшествия.

– Павел Алексеевич, здравствуйте, – окликнул я Мытько.

Судмед ошарашенно оглянулся и замер, будто увидел привидение.

– Петров? Ты?..

– Ну, а кто же еще.

Очевидно, в голове Мытько пронеслась тысяча мыслей, он вспомнил, как я ему приносил «одни неудачи». Как его выперли с должности заведующего хирургии, как посадили в поликлинику терапевтом на обычный прием, а потом и вообще из больницы изгнали. Он прошел переквалификацию и подался в медицинские эксперты в городское бюро СМЭ, а

в простонародье – морг. Похоже, там и прижился.

Были когда-то у меня с ним терки, но в последние наши встречи, чувствовалось, Павел Алексеевич заметно исправился. Даже, помнится, провел на моей руке нелегальную операцию на квартире у шубника-Медведева, когда меня Сафонов подстрелил в припадке служебного рвения. Без анестезии, правда. Больно было, зараза.

– Как супруга? – вспомнил я медсестру Ленку, что выхаживала меня раненого в отделении этого самого Мытько после моей встречи с валютчиками, едва не ставшей смертельной. Мне, то есть, Андрею Петрову, тогда и было-то всего семнадцать лет. Не сообразил, что майора Нагорного сразу тут включать не стоило.

– Прекрасно, – Мытько чуть улыбнулся, вроде, не держит старых обид. – Пироги с ливером и картошкой печет, а я вот – здесь...

Я, наконец, приблизился к телу и внимательно осмотрел.

– Как думаете? – обратился я к судмеду. – Почему крови на земле совсем нет? Ее выкачали? И какова причина смерти?

– Смерть, очевидно, наступила именно в результате потери крови. Вряд ли, как вы это говорите, ее выкачивали, скорее всего, оно просто вытекла из раны. Конечно же, не в этом месте.

– Но одежда чистая, не в крови, за исключением разве что штанины. Похоже, что его подвешивали и ждали, когда сте-

чет кровь. Так?

– Верно, вот, обратите внимание на запястья. На них следы от веревки. Но не от этой. Этой он примотан уже посмертно, а тут видно, что и при жизни его связывали. Борозды другого окраса и глубокие, будто за руки подвешивали.

– Вот зверюга, – хмыкнул Горохов. – А ногу как отсек? Наживую, что ли?

– Прижизненно, – кивнул Мытько. – Но была ли жертва при этом в сознании, пока не ясно. Результаты биохимии покажут. Может, в крови что-то найдем – наркоз или другие сильнодействующие препараты.

– А характер раны? Что скажете? – снова спросил я. – Есть какие-нибудь особенности?

– Ампутация произведена технично, ткани рассечены по суставу.

Мытько сначала произнес всё это, а потом удивленно посмотрел на нас – мол, а почему же это так? Оно и понятно, ему версии строить – должность не обязывает. А вот столкнется с нами в непосредственной работе – и начинает прикидывать, что да к чему.

Может быть, в такие моменты он и жалел, что не остался в поликлинике трудиться. Но я сомневался, что такие мысли к нему часто приходят. В экспертах он явно чувствовал себя вольготнее.

– Получается, что убийца хорошо знает анатомию человека? – Горохов поскреб подбородок, оторвавшись от писа-

нины.

– Или он работает мясником, – предположил Федя.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Мытько. – Отсечение не с бухты-барухты, инструмент острый, и его владелец явно имел раньше опыт... Разделявания тел или туш.

– Что еще странного вы обнаружили? – вмешался начальник милиции полковник Булкин. – Я смотрю, вот узлы на веревке обычные, неумелые. Человек явно не служил на флоте и рыбалкой не увлекается.

Полковник, очевидно, хотел показать свою сопричастность к действию, но действительно высказался в точку. Обычная пеньковая веревка и правда была намотана на тело абы как.

– При предварительном осмотре, – пожал плечами Мытько, – вроде больше ничего особенного. Вот только эти трупные пятна на лице и шее меня определённо смущают.

– А что такое? – нахмурился Горохов.

– Они красного цвета. При кровопотере таких обычно не бывает. И судя по их выраженности, по окрасу кожных покровов и по внутрипечёночной температуре, смерть наступила не более десяти-пятнадцати часов назад. А трупное окоченение уже максимально выражено. Даже жевательные мышцы задубели. Это говорит о том, что смерть все-таки наступила от кровопотери. Тогда окоченение быстрее происходит. Но вот эти трупные пятна никак не вписываются в картину смерти.

– Может, его отравили? – предположил Катков.

Он внимательно осматривал тело с помощью криминалистической лупы, подсвечивая себе фонариком. Сканировал каждый сантиметр, ища волоски, посторонние волокна и прочую важную для нас «пыль». Труп так и стоял перед ним на одной ноге, крепко привязанный к дереву.

Мытько кивнул.

– Вполне возможно. После вскрытия отправлю образцы тканей на биохимию и гистологию. И смогу точно вам сказать.

– А если это сделал тот, кто ножичком, ну, или скальпелем, хорошо владеет, – Погодин уставился на Мытько и озвучил щекотливую мысль, которая крутилась у всех в мозгу. – То получается, что, теоретически, это может быть кто-то из хирургов или патологоанатомов. Так?

– Теоретически, да, – кивнул Павел Алексеевич.

Где-то я такое уже слышал.

– Сколько в городе хирургов? Человек пять? Вы же тоже в прошлом хирург. Еще и патологоанатом в настоящем.

– Я не патологоанатом, – фыркнул Мытько, вытирая рукавом лоб и расправляя плечи, – я судебно-медицинский эксперт. Патологоанатомы занимаются вскрытием некриминальных трупов, людей, умерших своей смертью.

– Без разницы, – хмыкнул Федя. – Вы и ваши коллеги, ну, опять же, чисто теоретически, тоже подпадаете под предполагаемый типаж преступника.

– Послушайте, вы на что намекаете? – пыхтел Мытько.

– Так... Мысли вслух, – пожал плечами Федя.

– Оставьте свои мысли при себе!

– Просто были прецеденты, – невозмутимо продолжал Федя. – Когда судмедэксперт оказался маньяком.

– И теперь каждый из нашей братии для вас маньяк? – Мытько впился недобрым взглядом в Погодина.

– Успокойтесь, – примирительно проговорил Горохов. – Павел Алексеевич, никто вас не обвиняет. Мы просто хотим сложить цельную картину преступления из разрозненных кусочков.

– Складывайте, – буркнул Мытько. – Только меня среди этих кусочков нет.

– Не сомневаюсь, но мы обязаны будем проверить всех...

Я вдруг вспомнил, как совсем недавно судебный медик Титова помогала нам расследовать убийства в Михайловске, совершенные Борцом, и даже не подозревала, что помогает ловить саму себя.

Нет... Конечно, дважды в одну воронку бомба не падает, но сколько раз убеждаюсь, что зачастую убийцами оказываются не пресловутые ранее судимые и состоящие на учете криминальные личности, а те, от кого никак не ждешь. Те, кто с нами рядом...

Я предвзято огляделся, рассматривая каждого. Булкин деловито отдавал распоряжения наряду ППС, который осуществлял охрану места происшествия до нашего приезда.

Здесь и Олег – не выдержал, сграбастал ленту и, послушавшись меня, приперся-таки поглазеть на труп. Был еще прокурор, приехал отметить, но в наши разговоры не лез, лишь иногда переговаривался с Булкиным. Еще была парочка каких-то в штатском. Выглажены и до синевы выбриты. Скорее всего, тоже из прокуратуры. Возможно, среди присутствующих сейчас находится этот самый Мясник. Хм-м... Неплохое название для нового маньяка. Так и запишем в голове – Новоульяновский Мясник.

В том, что убийства – дело рук именно маньяка, я уже не сомневался. Хотя для полноты картины не хватает третьего эпизода, только тогда серийность будет. Тьфу ты! Поймал себя на мысли, что жду, когда прирежут ещё кого-нибудь, чтобы точно повесить ярлык серийности и улик побольше собрать. Четче и удобнее работать. Профдеформация, блин...

Кто же из вас это сделал? Я снова окинул присутствующих пытливым взглядом. Бляха! Совсем что-то я параноить начал. Это всё Олежка – навоза тележка, виноват. Всколыхнул эмоции из прошлого. Вернее, из будущего. Нарушил мое холодное рациональное восприятие преступных событий. Как говорится, смешал работу с личным.

* * *

– Личность потерпевшего установили? – начал с злободневной фразы планерку Горохов утром в понедельник.

– Так точно, – встал Федя. – Вчера еще. Черпаков Вадим Прохорович, тридцать лет, не женат, проживал один, трудился завскаладом на Новоульяновской фабрике музыкальных инструментов.

– Опа, – потирал руки Горохов. – А вот и зацепочка. Безголовый Морошко – тоже фабричный. Нужно опросить соседей Черпакова по общежитию и работников фабрики.

– Он не в общежитии проживал, а в квартире, – добавил Федя.

– Как в квартире? – наморщил лоб шеф. – Один, неженатый. Как ему дали квартиру?

– Может, кооперативная? – пожал плечами Федя. – Или вымутил как-то. Завскалада все же.

– На что он там мог вымутить? – усмехнулся шеф. – На ворованные балалайки?

– Там гитары делают, – уточнил я. – Я там немного даже успел поработать учеником мастера в семьдесят восьмом.

– Ты, учеником мастера? – вскинул кустистые брови Горохов. – Я думал, Андрей Григорьевич, ты с пеленок в милиции работал.

– Если бы, – улыбнулся я. – И грузчиком успел потрудиться.

Еще не всё про меня коллеги знают, есть чем удивить. А кажется, и правда, что всю жизнь вместе работаем.

– Похвально... – кивнул шеф и снова перешел к рабочим моментам. – Выясните этот вопрос с квартирой, за какие такие заслуги он получил однушку.

– Двушку, – вставил Федя.

– Ого, целую двушку на одного, невзирая на квадраты. Тем более интересно, – Горохов постучал пальцем по столу. – И вот еще, пошевелите Мытько с экспертизой трупа. Он по Морошко ещё даже официально заключение не дал. В деле только предварительная справка имеется.

– Вскрытие Черпакова он вчера еще провел, – отчитался Катков. – Я созванивался, но заключение он даст, когда биохимия готова будет. Лабораторный анализ химии делают.

– А что, Алексей? – Горохов хлопнул по столу ладонью. – Химики у нас на другой планете живут?

– Да нет, – опустил глаза Катков. – Тоже к бюро СМЭ относятся. К Минздраву.

– Вот и поторопи их, – шеф повернулся ко мне. – Андрей Григорьевич, сгоняй, пожалуйста, сам лично в морг и раз-узнай, что к чему. Чувствую, официального заключения не дождемся, пусть на пальцах объяснят тонкости и особенности, чего они там накопили. Смерть какая-то странная. То ли кровью истек, то ли отравили. Непонятно. Узнаем способ убийства, будем ломать голову над мотивом.

– Есть сгонять в морг, – кивнул я.

– А нет, постой... – Никита Егорович застыл с поднятой рукой. – Сначала с Погодиным перетрясите эту фабрику балалаечную. Чую, там ниточки надо искать.

Шеф повернулся к Свете:

– Светлана Валерьевна, с вас психологический портрет

преступника.

– А ранее судимых проверить? – вставил свои пять копеек Катков. – Осужденных за аналогичные преступления. Склонных к совершению насильственных действий с причинением тяжкого вреда здоровью. И...

– Этим путь местные занимается, – поморщился Горохов. – Я с Булкиным переговорил, он распорядился, чтобы начальник местного розыска нам помогал. Задачи я ему сегодня нарежу. Только без толку все это. Уверен, что не найдем мы ранее судимых за отрезание головы. Все, за работу, товарищи.

На столе Горохова тревожно зазвонил телефон. Мы переглянулись...

Глава 6

– Слушаю, Горохов! – шеф поднял перемотанную тканевой изоляцией красную трубку. – Так... Угу. Что-что? Срочно? Поясните, Павел Алексеевич, не пойму, что за срочность? По телефону не можете? Хм-м... Ну, хорошо, едем.

Шеф положил трубку и окинул нас задумчивым взглядом:

– Мытько звонил, просил срочно в морг к нему заехать.

Что-то нам показать такое хочет.

– Всей группой поедем? – уточнил Катков.

– Да... Неизвестно, что он нам там показать хочет. Собирайтесь, товарищи.

Мы вышли из здания УВД и уселись в новенький 41-й «Москвич» сочного красного цвета. Булкин, как и обещал, выделил нам автомобиль. От водителя мы отказались, сами с усами, да и если куда-то всем «табором» выехать – водила лишний получается. Иначе не влезем.

За руль меня посадили, никто не решился вести переднеприводного диковинного коня, а мне приходилось, конечно, когда-то на таких рассекать.

До места добрались быстро, дорога знакомая. Взобрались по ступенькам и уперлись в деревянную дверь, на которой красовалось объявление. Выведено красным фломастером на сером листке, припечатанном канцелярскими кнопками: «Граждане, будьте бдительны! Услуги морга оказываются

бесплатно. О всех случаях взимания денег сообщайте по телефону...».

Вошли внутрь. Все, как и везде в подобных заведениях – по-казенному аскетично и немного мрачно. Унылый кафель, запах формалина идохлых кошек.

Мытько бродил по пустынному коридору в длинном халате. Чуть пошатываясь и переваливаясь. Если бы не его осмысленный взгляд, то Павла Алексеевича в такой обстановке и в таком настроении можно было бы принять за зомби.

– Павел Алексеевич! – окликнул его Горохов. – Здравствуйте. Рассказывайте, что случилось?

– Много чего, – загадочно проговорил судмед. – Пойдемте со мной.

Мы вошли в прозекторскую, а по-простому – в секционную. Тесновато внутри, всего два смотровых стола вмещает. На одном лежала сморщенная старушка, на втором – распотрошённый безногий мужчина, в котором все сразу узнали Черпакова.

– Вот, посмотрите, – Павел Алексеевич пригласил следователя к микроскопу, приютившегося в углу на неказистом столике.

Горохов недоуменно пожал плечами и сел. «Накинул» глаз на окуляр.

– Вы видите? – склонился над ним судмед.

– Инфузорий? – нахмурился Горохов свободным глазом.

– Да каких инфузорий? Вот, смотрите внимательно, это препарат белого вещества под корой больших полушарий, налицо базофильная дегенерация.

– Замечательно! – крикнул шеф и встал. – Только я здесь при чем? Вы для этого нас позвали?

– Нет, конечно, но раз уж приехали, то хотел все вам показать.

– У нас мало времени, Павел Алексеевич, – сжал губы Горохов, голос его стал тихим, и казалось, вот-вот сорвется на фальцет. – Расскажите, зачем мы здесь?

– Все по порядку, – Мытько изобразил жест «стоп» открытой вперед ладонью. – У трупа Черпакова отек легких. И вот этот цитологический микропрепарат, который вы только что созерцали, доказывает, как, впрочем, и отек, что смерть наступила в результате отравления монооксидом углерода.

– Чем? Чем? – нахмурился Горохов.

– Угарным газом, – вмешался всезнайка Катков. – Как на пожаре.

– О как! Интересно... Ожогов ведь нет? – Горохов уже сам, добровольно уселся за микроскоп.

– В том-то и дело! – всплеснул руками Мытько. – Признаков термического воздействия на теле не обнаружено, но имеет место слущивание альвеолярных макрофагов в просвет альвеол и деструктивный отек белого вещества с формированием острых микрокист. Хотите взглянуть? Я помешаю микропрепарат.

– Ух... – выдохнул шеф. – Нет, спасибо, доктор, то есть, Павел Алексеевич, мы вам на слово верим... Это что получается? Черпакова сначала отравили угарным газом, а потом ногу отрезали?

– Да...

– Мертвому?

– Скорее всего, еще живому. Имеются признаки, что он еще жив был, когда ампутацию проводили.

– Ну, да-а... – протянул Никита Егорович. – Вот и объяснение, почему он не сопротивлялся. Скорее всего, был без сознания. Я слышал, что человек «засыпает» при отравлении угарным газом.

– Совершенно верно.

– Вот только он образуется от пожара. Это же надо было дыма нагнать в помещение, чтобы отравить. Как убийца с этим справился?

– Не обязательно пожар устраивать, – снова вмешался Катков. – В выхлопных газах автомобилей содержится достаточное количество СО для летального исхода в закрытом помещении.

– Например, в гараже, – поддержал я Алексея.

– Угу, – следователь ослабил узел галстука, – Возможно, у преступника есть гараж. Уже кое-что. Только как он отравил Черпакова? Вместе с ним сидел внутри, а автомобиль работал? Так, что ли?

– Явно не вместе с ним, – Мытько, махнул нам, чтобы мы

ближе подошли к труп. – Взял его за руку прямо без перчаток и показал на ребро ладони. Оно было слишком синюшным, по сравнению с остальными кожными покровами.

– Видите? – торжествующе обвел он нас взглядом.

– Рука? – хмыкнул Федя.

– Трупное пятно? – спросил Алексей.

– Видим, и что? – раздражался Горохов.

– Это гематома, – раскрыл интригу судмед.

Сегодня он казался мастером игры из шоу «Форт Боярд», все загадки нам загадывал.

– Дрался, что ли? – хмыкнул Федя.

– Нет, скорее всего, стучал кулаками, – ответил Мытько, – когда его заперли.

– Где заперли? – не понял Горохов, очевидно, ожидая, что экспертные познания Мытько раскроют и такие подробности.

– Ну, это уже вам устанавливать, – пожал плечами Павел Алексеевич. – Вы же милиция, а я так... Эксперт.

Ответить на это было сложно, и мы промолчали, снова слегка рассеявшись по залу.

– С одной стороны, логично, – стал размышлять вслух Горохов. – Черпакова заперли в гараже, отравили угарным газом, а когда он отключился, отрезали ногу и выпустили кровь. Но почему, скажите мне на милость, Черпаков, пока был в сознании, не выключил зажигание у работающего автомобиля?

– Может, был привязан? – предположил Мытько. – Одни следы на запястьях от веревки оставлены прижизненно. И теперь мне ясна природа красных трупных пятен, которые так удивили меня на месте происшествия и не вписывались в картину смерти от обильной кровопотери. Такие пятна как раз образуются при отравлении угарным газом.

– Ага, все сходится... – потер ладони Горохов. – Зверский, конечно, способ умерщвления, вырубить человека смертельной дозой газа, а потом выпустить ему кровь. Так-с... – он внезапно пытливо, даже как-то с пристрастием уставился на эксперта: – С этим все ясно, а как с Морошко дела обстоят? В вашем заключении написано, что смерть наступила в результате причинения травмы, несовместимой с жизнью, а именно – отделение головы острым режущим предметом. Про угарный газ ни слова.

Мытько ткнул пальцем в воздух.

– Вот! Об этом я и хотел с вами поговорить, для этого я вас и позвал, Никита Егорович. У Морошко схожая цитологическая картина, но я только сейчас это перепроверил и установил, сохранились у меня образцы его тканей, не все отправил на гистологию и биохимию. Ведь первоначально казалось, картина предельно ясна была. Голова с плеч – и смерть, никаких вопросов о причине смерти. Ни алкоголя в крови, ни других сильнодействующих веществ не обнаружено. А тут вот нога... Хитрый случай, еще и пятна на коже нетипичные для кровопотери. Все досконально исследовал и

вот нарыл, – Мытько махнул на столик с микроскопом, будто приглашал снова взглянуть на результаты его «инфузорных» изысканий.

Но при этом эксперт виновато поджал губы.

– Погодите, – нахмурился Горохов. – Это что получается? Что заключение по первой жертве, по Морошко, неверное?

– Отчасти, – прижал руки к груди эксперт. – Все же, отсечение головы в приоритете, как причина смерти.

– И что теперь? – продолжал хмуриться Горохов. – Назначать повторную экспертизу? Или дополнительную. Или как?

– Лучше не надо, – Мытько заискивающе посмотрел на шефа и чуть улыбнулся. Просто имейте это в виду, про угарный газ, держите в уме.

– А почему вы не хотите это документально зафиксировать? – с подозрением спросил Катков.

Точность он любил, а вот тонкости понимал не всегда. Я заметил, как Мытько поморщился, будто ему на мозоль встали.

– Понимаете, мне еще квалификацию подтверждать скоро. За ошибочные выводы меня по головке не погладят.

– Ладно... – кивнул Горохов. – Оставим пока так. Хватает доказательств эти два эпизода объединить. Трупы в лесу привязаны. Веревка схожая из пеньки, частей тела у каждого не хватает. Кровь слита. Картина схожая и без угарного газа. Но вы сохраните биоматериал Морошко на всякий пожарный случай. Мало ли что... Возможно, все-таки придет-

ся назначать повторную экспертизу. Но, думаю, обойдемся.

– Спасибо, – Мытько истово пожал руку следователю. – Я в долгу не останусь.

– А вы мне и не должны, – вскинул на него бровь Горохов. – И вообще, что за бардак у вас в морге творится? Судя по объявлению на входной двери, у вас тут незаконная торговля трупами организована?

– Ну что вы! – всплеснул руками Мытько. – Это патологоанатом Лешка Вязовскин калымил. Людям лапшу на уши вешал, мол, вскрытие и прочая помывка трупов – платная. Но с ним уже беседу провели, проверкой из ОБХСС пригрозили. Исправился, паскудник, вроде.

– Тогда объявление почему не снимете?

– Так сказать, для устрашения. Решили, пусть пока повисит – и Лешке наука будет.

Дверь лаборатории распахнулась и внутрь ворвалась Лена. Моя старая знакомая. Медсестра, которая меня выхаживала с ножевым, а ныне – супруга и помощница Мытько. Легкое летнее платьице ладно сидело на фигуре, которую я сначала не узнал.

При виде меня девушка расплылась в улыбке:

– Петров?! Ты, что ли? Ух, какой ты стал. Видный мужик. Ну ниче се-е...

– Смотрю, ты похудела, – немного удивился я, созерцая Лену по габаритам на пару размеров меньше прежней.

– Похудеешь тут, – медсестра зло зыркнула в сторону

Мытько, тот поежился и чуть втянул голову в плечи.

– Кобелина! – прошипела Лена, пепеля его взглядом.

– Зайчик, – пролепетал в ответ Мытько, птясь и сворачивая за стол с Черпаковым. – Я на рыбалке был. Я же уже рассказывал.

– Не ври, скотина такая! – Ленчик наступала и напоминала танк. – Я звонила Михалычу, он сказал, что позавчера в глаза тебя не видел.

Злая супружница бегло огляделась, будто ища, чем бы запульнуть в Павла Алексеевича, но на стеллажах, кроме формалиновых банок с почками и прочим ливером, ничего не было. Тогда женщина решила действовать без метательного оружия, врукопашную.

Коброй кинулась вокруг «разделочного» стола и попыталась изловить бессовестного прелюбодея.

Но не тут-то было. Мытько прыгучим тушканчиком ловко уворачивался от «кобры» и кружил вокруг секционного стола, на котором ни в чем не повинный Черпаков раздражённо потряхивал единственной ногой.

– Ну Лена, зайчик, ну, перестань, люди же кругом, – канючил беглец.

– Где ты был позавчера ночью? Говори! – взвизгнула Лена, не обращая на присутствующих никакого внимания.

После нескольких безуспешных попыток изловить Мытько она остановилась и, чуть отдышавшись, глянула на меня:

– Андрей, будь другом, прострели этому кобелю ногу, не

могу его догнать, и хвост заодно прострели, чтобы больше рыбку не ловил.

– Ну, мы, пожалуй, пойдем, – Горохов отчаянно боролся с улыбкой, которая настырно лезла на его, казалось бы, невозмутимое лицо. – Большое спасибо, Павел Алексеевич, успехов вам в семейной жизни. Гы-гы-гы...

Наши потянулись к выходу за шефом, а я чуть задержался:

– Я, смотрю, Ленок, у вас весело. Не скучаете.

– Заскучаешь с ним, – сдалась Лена и отошла от «бегового» стола. Ты-то как? Женился?

– В процессе, – уклончиво ответил я.

– В процессе он, – фыркнула медсестра уперев руки в бока. – Все вы, мужики, одинаковые...

Мы обменялись с Леной еще парой любезных фраз, она чмокнула меня в щеку на прощание, велела заходить в гости и вытеснила меня из секционной, сказав, что дальше будет серьезный разговор с мужем. Вот только бы изловить его, паскуду, как-то.

Я пожелал Лене удачной охоты, Павлу Алексеевичу – никогда не сдаваться и поспешил за нашими. Нагнал их уже на крыльце.

Они что-то обсуждали. А вернее, выглядело это так, будто Погодин выступал с речью.

– А я еще вчера говорил, что Мытько мог убить, ну, теоретически, – вещал Федя. – Получается, что время смерти Черпакова – позавчерашняя ночь. Как раз, когда Мытько не

ночевал дома.

– Да отстань ты уже от Павла Алексеевича, – хмыкнул Горохов. – Если бы он был этим Мясником, то зачем бы нас сегодня вызванивал? И сообщал подробности об отравлении угарным газом. Он тогда должен нам работу усложнять, а не помогать.

– А затем, – Федя по-гороховски поднял указательный палец вверх, – чтобы жопу себе прикрыть.

– Не понял, – шеф даже остановился.

– Ну, смотрите, – пользуясь всеобщим вниманием, Федя выражался уже немного степенно и снисходительно. – Вот, допустим, Мытько скрыл этот факт про угарный газ в деле Морошко специально. А по второму убийству – понял, что шило в мешке не утаишь. Ткани на химическое исследование пошли, там вскрыется факт отравления. Ведь так? Вот и выставил он это, будто сам диагностировал воздействие оксида углерода на ткани по цитологическим признакам.

Мы раскрыли рты и уставились на Федю.

– Ты где таких слов нахватался? – брови шефа встали елочкой.

– Передачу «Здоровье» мама регулярно смотрит, в отпуске был, тоже приходилось с ней созерцать, – отмахнулся Федя. – Ну, так вот, получается, он сделал себе алиби. Будто обнаружил, признал ошибку и покался.

– А по первому трупу почему тогда не боялся скрывать? – впился в Федю взглядом Горохов.

– Так он по первому биоматериалу химикам и не отправлял даже, возможно. Ну, там, провел-таки общие анализы. На алкоголь, на наркотики, по-быстрому. Типа, раз голова отрублена, значит, вопросов не будет. А тут нога, пришлось по полной исследование проводить. Вот и всплыл факт отравления угарным газом. Вернее – всплывет, а пока Мытько форсировал ситуацию. Сделал ход на упреждение. Логично же? Ну, что молчите? Ведь так?

– Опасный ты человек, Федор Сергеевич, – покачал головой шеф.

– Это почему?

– Любого под монастырь можешь подвести. Логикой этой своей.

– Андрей, ты хоть скажи, – Федя умоляюще повернулся ко мне. – Рабочая это версия? Да?

– Вполне, – кивнул я. – Вот только не совсем приятная...

– Я и говорю, – оживился Федя. – Мытько надо проверять. И резать он умеет, и, наверняка, машина с гаражом у него есть.

* * *

Проходная фабрики музыкальных инструментов встретила знакомыми, но уже подзабытыми запахами лака и растворителя.

На «калитке» дремал дедок-вахтер. Блин, тот же самый,

что работал, когда я еще здесь был в семьдесят восьмом. Судя по его безразличному взгляду, он меня узнал и, наверное, думает, что я до сих пор здесь работаю. Моя рука потянулась за ксивой в карман, но старик махнул, мол, не нать пропуск, проходи, не задерживай очередь, хотя за мной никого не было.

Я не стал спорить да светить корочками и просто прошел через скрипучую вертушку. Направился напрямик к основному корпусу.

– Бабкины пассатижи! – раздался престарело-хриплый голос. – Андрюха! Штангель те в ухо! Ты, что ль?

Я обернулся, и на душе потеплело. Френтовик Петрович сиял вставной челюстью, выставив вперед заскорузлые ручки. Незаменимый мастер гитарных дел до сих пор был жив. Да что жив, он по-прежнему пахал на заводе. Вот было же поколение! И фашистов били, и трудовые подвиги совершали...

– Петрович! Привет, дорогой! – я шагнул и принял встречные объятия своего бывшего наставника. – Ты когда на пенсию-то свалишь уже?

– Три раза провожали, – отмахнулся мастер. – Все как положено, с водкой, баяном и Машкой из бухгалтерии. Та, как выпьет, так на столе под баян такие кренделя отплясывает, что юбка до ушей задирается. Да только не ушел я, вот все работаю. Не могут мне замену найти. Слушай, Андрей. А давай на мое место! Зарплата под триста, да и Машка с бухгал-

терии в придачу. А? Она девка молодая, видная, а я ствол на полку давно сложил.

Глава 7

– Спасибо, Петрович, за предложение, но у меня маленько на другое руки заточены.

– Руки – это от скуки, а для другого они не нужны, для этого бабы есть. А вообще, да, ты прав. Помню, как ты гитару мне во время склейки запорол, аж гриф повело. Да не одну запорол, а оркестр целый загубил. Хороший ты человек, Андрюха, но жопорукость у тебя не отнять.

– Каждый должен заниматься своим делом, – улыбнулся я. – Кто преступников ловить, кто-то Машку с бухгалтерии тискать.

– Расскажи хоть, как служба? – мы отошли в тень под дерево, и Петрович закурил газетную самокрутку, прищуривая один глаз от едкого дыма. – Чай лейтенант уже? СтаршОй небось?

– Обижаешь, капитан давно.

– Поди ж ты... Когда только успел? А сюда че приперся? Только не говори, что меня уважить, старика провести.

– Да и не скажу. Жил без твоего ворчания и дальше проживу, – дружески усмехнулся я.

– Эх, дать бы тебе подзатыльника доброго, но не мой подмастерье ты более.

– Ага, еще и при исполнении, замахнись только, вмиг в каталажку упеку, не посмотрю, что фронтовик.

Мы болтали, подкалывали друг друга без всякой злобы, делясь впечатлениями о прожитых «в разлуке» годах. Петрович докурил, а я перешел к делу.

– Про Черпакова слышал?

– Эх... Жалко мужика, – кивнул мастер. – Хоть и ничемный был человечиска, но мужик видный был, любили его бабы, – Петрович понизил голос, отплюнув прилипшую к губам махорку. – Говорят, ему там всё отрезали? Начисто. Я вот что подумал, это бабы его брошенные сговорились и отчекрыжили Черпакову под корень евоные органы важные. Тот еще ходок был. Вот женщины на него и обозлились. Дурачок этот Вадик был, кто ж так с бабами обращается безалаберно? К каждой свой подход нужен, чтобы каждая думала, что она единственная и самая лучшая. Эх молодежь, все учить вас надо.

– Нет, Петрович, вряд ли его женщины порешили. Да и отрезали у него только левую ногу.

– Вот! – Петрович сотрясал морщинистым, но крепким, как молот, кулаком. – Точно баба его расчленовредила! Ногато-то левая отрезана, сам сказал!

– И что? Какая разница, левая или правая?

– Ну Андрюшка, ты ж инспектор! Включай мозги.

– Опер я, а не инспектор.

– Хрен редьки не слаще, а черт полена не мягче.

– За черта спасибо! Так при чем тут левая нога?

– А притом! Знак это, чтобы курвец налево не ходил. По-

нял?

– Ну и фантазия у тебя, Петрович. Но, сколько помню, все у тебя к бабам сводится. А куда ж мы без них, мужик без бабы, что собака без блох... Жить можно, но скучно.

– А что за человек был этот Черпаков? Как характеризовался?

– Да обычный завсклада. Жил, не тужил, с нами не делился. А вот в мае ему хвост прищемили, так он чуть не уволился. Воровать стало не вмоготу, как жить, говорит, теперь на одну зарплату-то? Уйду, говорит, в горком, там хоть зарплата меньше, зато спецпаек...

Петрович махнул рукой. Ему явно не очень понятны были люди, которые пеклись о том, чтобы получать побольше да жить поудобнее. И я почувствовал, что мы набрали с ним на что-то важное.

– Подожди. Кто прищемил? Как?

– Ты точно в милиции работаешь, а не кукурузу выращиваешь? Известно кто. ОБХСС и руководство наше. Но начальников наших самих за жабры взяли после майского постановления ЦК, в котором о борьбе с нетрудовыми доходами говорится. Опосля еще Верховный совет добил – указ выпустил об извлечении этих самых нетрудовых доходов.

– Ого! – присвистнул я. – Я смотрю, ты следишь за обстановкой в стране.

– А ты как думал, – Петрович приосанился. – Ты не смотри, что я старый и дремучий, газетки мне бабка регулярно по

вечерам вслух начитывает, чтобы спалось лучше. Смотришь вокруг – очереди плодятся, дефицит, эти его в дышло, множится, как мыши в амбаре, до Новоульяновска уже добрался. А газету считаешь, оказывается, все у нас хорошо и замечательно. Вот и на душе спокойно становится и сон идет.

Я только хмыкнул. Интересная интерпретация привычной пропаганды.

– Значит, воровал, говоришь, этот Вадик Черпаков.

– Да не больше других, кто к хозяйственным должностям приставлен. Не ищи там подвох и убийца. Говорю тебе, баба его порешила. Любовниц его проверь. Машку с бухгалтерии в первую очередь тряхни.

– А Морошко? Что про него расскажешь? Он ведь тоже у вас трудился.

– А этого я не знал, – махнул рукой фронтовик. – Он не в основном цеху работал, да и пришел недавно.

– Его без головы нашли, тоже бабы, скажешь?

– Нет. Голова им без надобности, тут если покумекать, то людоеда искать надо.

– Почему людоеда? Все остальное целое на теле осталось.

– Потому что туша в советский холодильник не влезет, а из головы он сразу холодец сварил.

– Блин, Петрович, тебе надо детективы писать.

– Ага, вот на пенсию только выйду и заставлю бабку писать под диктовку. Сам-то я не горазд каракули выводить. Пошли в бытовку чайку хлебнем, – мастер недвусмысленно

отвесил щелбан по своему горлу и подмигнул. — У меня всегда нычка имеется на работе. Дома бабка найдет, а тут — как в Сберкассе хранится.

Я вспомнил, что по пьяной лавочке он обычно всем рассказывал забавный случай — как он якобы ещё зеленым мальчишкой медведя из рогатки подстрелил. Впрочем, сейчас некогда байки слушать.

— Поэтому ты ходишь на работу и все не можешь на пенсию свинтить, — хохотнул я. — Нет, спасибо, но я на службе.

— Я тоже не веники вяжу, а для сугрева можно маленько тяпнуть.

— Так жара на улице.

— Дак! Для сугрева души-и, — с ударением протянул мастер. — У меня не магазинная бурда, а на орешках кедровых настояно.

— Помню, угощал ты меня. Последний раз мы его пробовали когда Олежку в лесу спасали.

— Как малец? — вскинул щетки бровей фронтовик. — Жизнь сложилась?

— Лосяра он с меня ростом, а не малец. В институт поступил, но сейчас здесь пока. В городе.

— Вот и хорошо, присматривай за ним, дай бог человеком станет, — одобрительно закивал Петрович. — Ну так что? По полташечке?

— У нас, вообще-то, указ об искоренении самогоноварения действует, — замотал я головой.

– Пушай этот указ они себе в одно место засунут. Советский человек без самогона, все равно что пионер без барабана. Пили у нас всегда и будут пить этот самый самогон.

Я хлопнул его по плечу.

– Как тебя еще с работы не выгнали? За такие алкогольные антисоветские настроения?

– Ага, выгонят... Дождешься от них. Кто работать будет? Обещайку никто так не приклеит, как Петрович.

– Ладно, спасибо, пойду эту Машу из бухгалтерии навещу, да к другу заскочить надо.

– К Трошкину, что ли?

– К нему.

– Эх, как был Илюха малахольный, так и остался. Вроде в начальники выбился, отделом кадров заведует, а твердости – как в шали пуховой.

– Ну, не всем же быть такими как ты.

– А ты лыбой не свети на меня, я, промежду прочим, в сорок первом пацаном еще снаряды к окопам подвозил.

– Да кто ж спорит, но и Илюха – хороший человек. Мягковат, это да... Как у Маши-то этой фамилия?

– Захарова. В общем кабинете, в углу сидит. Возле горшка с геранью.

Я пожал Петровичу его заскорузлую и желтую от махорки ладонь и направился в бухгалтерию, где обитала звезда фабрики Машка, которая, со слов Петровича, имела с убитым Вадиком Черпаковым амурно-интимные отношения.

На первом этаже здания, возле кадки с кривым фикусом я увидел стенгазету. В рубрике «На злобу дня» красовался список опоздун, пьяниц и прочих нарушителей трудовой дисциплины. Хотел пройти мимо, но глаз зацепился за знакомую фамилию: некий Владимир Иванович Сипкин числился в списке драчунов. Даже нарисовали его цветными фломастерами: человечек в робе держит за грудки другого человечка, облаченного в пиджак и прочие галстучные аксессуары советского интеллигента. Ноги у Сипкина получились бледнее, чем он сам. И ещё от стенгазеты несло «Тройным» одеколоном. Видно, в самый неподходящий момент фломастер выдохся, и его пытались реанимировать парфюмом.

– Ого... – пробурчал я себе под нос, благо, коридор был пуст. – Неужели этот тот самый Сипкин? Старый знакомый... Судя по дуболомовской роже, которая прослеживалась даже на рисунке, вроде он. Быков говорил, что он якобы где-то у него на заводе трудится. Перепутал, наверное. Видел он его раньше, вот и перепутал. А лицо знакомым показалось ему, потому что Тоха был на моем бое с Сипкиным много лет назад. Даже сам в соревнованиях участвовал.

Под пятиклашным рисунком я стал читать коротенькую заметку о том, как водитель Сипкин применил излишнее рукоприкладство к... Мать честная! К товарищу Черпакову. У них с убитым был конфликт? А вот это уже интересно... Такой как Сипкин запросто мог и голову отрезать, и ногу... Вы-

рос он в деревне. Помнится, встречал я его на деревенской дискотеке, куда занесла нас судьба с Зинченко-младшим когда-то. Сипкин там с братом пытался порядки местные наводить. Деревушка та подворьями со скотиной славилась. Почти у каждого коровы, свиньи и прочие козы водились. Чтобы тушку разделать, сноровка нужна. Вот коз как раз подвешивают на веревке, чтобы разделать. Надо будет потряхнуть Вовика. Но калач он тертый, сам на милиционера учился, знает оперские приколы. Как-то по-хитрому с ним надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.